

Метро 2033: Призраки прошлого

Автор:

Мария Стрелова

Метро 2033: Призраки прошлого

Мария Андреевна Стрелова

МетроВселенная «Метро 2033»Берилловый город #3

«Метро 2033» – Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают Вселенную «Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности на Земле, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Преступник, загубивший сотни жизней, правая рука жестокого учёного, беспринципный юноша без понятий добра и зла. Заслуживает ли он прощения? Что должен пройти, какие испытания и муки, чтобы искупить страшную вину? Он единственный выжил при взрыве, и волей судьбы ему, как никому другому, были известны все тайны военных и Марины Алексеевой, женщины-мутанта из Раменок, погубившей процветавший город Мытищи. Дмитрий Холодов, некогда всесильный помощник Доктора Менгеле, ныне – повсюду предатель, нигде не находящий сострадания и поддержки.

Она – Алевтина, странная девушка с правильными манерами в нищем и погибающем убежище в Подмосковье. Судьба сводит молодых людей вместе, чтобы они прошли страшные испытания. Но юная особа – далеко не та, за кого себя выдаёт. Куда занесёт судьба опального учёного и его подругу? Кто останется другом, а кто врагом? Какие ещё тайны оставила после смерти Марина Алексеева? И что же скрывается в душе Алевтины, в чёрных омутх бесстрастных и пугающих глаз?

Мария Стрелова

Метро 2033: Призраки прошлого

фантастический роман

© Д.А. Глуховский, 2018

© М.А. Стрелова, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Преступление и покаяние

Объяснительная записка Вадима Чекунова

«За все в жизни приходится платить».

Знакомая фраза, не так ли?

Порой мы так привыкаем ко всяким «расхожим народным мудростям», что машем рукой и не придаем им значения. Пока гром не грянет. И вот тогда

вспоминаем – что же мы такого натворили в жизни, за что на нас обрушиваются несчастья и почему нам приходится страдать.

В случае с главным героем «Призраков прошлого», казалось бы, все просто – ему наверняка известно, в чем его вина. Бесчеловечные опыты, полное равнодушие к страданиям и мольбам людей. Послушный исполнитель злой воли ученого, которому неведома жалость. На счету Холодова – десятки загубленных жизней. Но почему он стал таким, что им двигало во время его ужасных преступлений? И сознавал ли он сам, что переступает черту?

В том-то и дело, что никаких моральных рамок у него не было. Границы между добром и злом он не видел и не осознавал. Те, кто с ним сталкивался или хотя бы слышал о нем, с полным правом считают его садистом и высокомерным выродком. Но как он осознает сам себя? И главное – что должно произойти в душе, пусть и настолько испорченной, чтобы внутренний мир злодея перевернулся? Что заставит такого человека ужаснуться содеянному?

На протяжении всей книги появляются эти вопросы. И не всякий раз Холодову удастся найти ответы на них. Однако выбора у него нет – путь назад отрезан. А заслужить прощение ему нужно не только у живых людей, но и у тех, кого он лишил жизни. Ему предстоит разобраться и с самим собой, понять, может ли он простить за все это себя и имеет ли право жить дальше.

Всем нам придется внимательно следить за преображением героя, вникать в его поступки и пытаться их понять.

Ситуация осложняется еще и тем, что верить никому нельзя. Кто друг, а кто враг, понять невозможно. Все носят маски – как в прямом, так и в переносном смысле.

Вот такое будущее – жестокое, обманчивое, непримиримое, противоречивое и ищущее спасение.

В нем уже живут герои «Призраков прошлого».

А в каком будущем придется жить нам – время покажет.

Когда-то Влад жил на Фрунзенской и не желал никуда уходить. Но чтобы выжить, ему пришлось сбежать во тьму. Блуждания по едва не оборвались расстрелом на территории Ганзы, а затем судьба закинула его на заброшенную Нагатинскую.

На перегоне между Нагатинской и Тульской, всегда считавшемся безопасным, начали пропадать люди. Пришлый сталкер втягивает Влада в охоту за кровожадным мутантом. Только никто не знает, чем все обернется и кто на кого будет охотиться на самом деле...

Какая она, жизнь в 2033 году? В разных городах и странах люди ведут непрекращающуюся войну на выживание. Они ищут способ существовать в мире, который взбунтовался против них. Они ищут возможность не потерять человеческий облик в суровых страшных условиях, где слова «любовь», «культура», «сочувствие» почти потеряли смысл. Что чувствуют эти люди? Пламя их жизни угасает, становится холодным и блеклым. Все, что им остается, – бороться, верить и ждать. В своих рассказах Шимун Врочек, Игорь Вардунас, Андрей Гребенщиков, Дмитрий Манасыпов и другие авторы Вселенной Метро 2033 пытаются объяснить, как же будет выглядеть жизнь в страшном 2033 году.

Бывший цирковой артист, волею судеб оказался в новосибирской подземке в тот день, когда привычный мир рухнул. Его преследуют старые воспоминания, детские кошмары, чувство вины и чудовищная Птица с человеческими чертами. Циркач путешествует по метро и поверхности, дает отпор бандитам и страшному режиму, зарождающемуся на «Сибирской». А после и вовсе оказывается втянутым в войну между двумя крупнейшими станциями

новосибирского метро.

Тихий городок Томск, расположенный посреди бескрайних Васюганских болот, никому не был интересен во время уничтожения мира. Поэтому даже после Катастрофы, отделившей его от всех остальных городов, жизнь в нем практически не изменилась – текла своим чередом, не принося людям особых неприятностей и тревог. Каждый занимался своим делом, не думая о будущем, не вспоминая прошлого. Но что случится, если обычного человека загнать в угол и поставить перед сложным выбором?

В подземельях зажигаю

Стеариновые свечи,

Жизнь давно уже другая,

Мир изломан, искалечен,

Перемолотый на части,

Стал врагом царю природы.

Вам не будет больше счастья,

Человечки-сумасброды.

Без оружия не к месту

Вы на выжженной планете.

Пусть другие будут вместо!

Пусть у них родятся дети!

Вы же в злом подземном доме

Рветесь горло грызть друг другу,

Как в разрушенном Содоме –

Не подать пропавшим руку.

Мир мутантам отдавайте,

Им – по праву, с новой силой!

Вы ж друг друга убивайте,

Вам метро – одной могилой.

Сквозь стекло противогаза,

Сквозь заснеженные дали

Дайте глянуть хоть вполглаза,

Что так глупо потеряли...

Мы в туннелях зажигаем

Стеариновые свечи.

Мир былой – недосыгаем.

До свиданья. Нам бы в вечность...

Мария Стрелова

Пролог

Его спасло то, что, казалось бы, должно было убить. Потрясающее везение.

Невидящим взглядом человек уставился на тонкий лучик света, пробивавшийся откуда-то сверху, через завалы камней и перекрытий, через пелену дыма, разъедающего легкие.

Выживший закашлялся и глухо застонал от боли, нога была зажата между грудой обломков и бетонной плитой рухнувшего потолка, каждая клеточка тела, казалось, горела огнем.

Здесь, внизу, дыма было меньше, он устремлялся наверх, оставляя призрачный шанс на спасение. Воздуха не хватало, перед глазами стояла муть, хотелось вдохнуть глубже, но грудь сдавливал незримый обруч. В голове шумело, человеку казалось, что в виски вбиты гвозди – настолько это было мучительно.

На подбородке и щеках липкой коркой запеклась кровь, хлынувшая из носа и ушей, когда грянул взрыв. Что было дальше, несчастный не помнил. Как оказался здесь, под завалом, живым – тоже.

Он лежал и слушал гулкие удары сердца, казавшиеся набатом в тишине и темноте. Где-то далеко журчала вода, утекая свободным потоком из искореженных труб.

Каждое движение причиняло бесконечную боль, казалось, тело существовало отдельно от разума, чужое, бесполезное. От него хотелось избавиться и улететь далеко отсюда, сбросить груз бессмысленной оболочки из плоти и крови, который доставлял такие страдания. Мысли, одна за другой, проносились в сознании, бестолковые, странные, каждая – как осколок витража, а вместе не собрать...

Выживший молчал и боялся пошевелиться, выжидая. Откуда-то сверху на лицо упала крохотная капля, растаявшая снежинка. И вместе с ней пришло осознание: «Я жив!»

Страх нахлынул с такой силой, что в глазах снова потемнело. Погребен заживо. Замурован среди развалин – умирать долгой и мучительной смертью. Один. Один!

– Расплата... – прохрипел человек. Голос, сорванный, жуткий, эхом отозвался от стен, уходящих наверх, к свету.

По лицу потекли слезы, смывая гарь, растравляя обожженную кожу.

– Это расплата, расплата... – как безумный, шептал несчастный. – Это расплата!

Он смеялся и плакал, дико озираясь вокруг, насколько мог повернуть голову. Перекрытия рухнули друг на друга, образовав защитную пещеру среди обломков и раскрошенного бетона. Между ними был узкий лаз, и дальше вверх уходила почти отвесная стена вентиляционной шахты, которая чудом выстояла после взрыва. И там, недосягаемо высоко, была свобода.

Выживший не знал, сколько времени прошло. Он мысленно задавал себе десятки вопросов, на которые не было ответов. Зажатая нога с каждой минутой немела все больше, становилась чужеродной, словно бы не принадлежащей телу.

Страх придал человеку сил. Пленник рванулся, оставляя на щербатом бетоне капли крови, и вдруг понял – свобода. Его больше ничто не удерживало, кроме собственной боли и отчаянья.

Судьба в который раз даровала ему шанс. Если бы не каменный мешок, обожженное до волдырей тело и отчаянно гудящая голова, выжившему могло бы показаться, что мирозданье приберегло его для особой миссии, в который раз вырывая его с того света. Но воспаленный, измученный рассудок не был способен на такие размышления. Наверх, к свободе. Спасти. Думать – позже.

На одних рефлексах, на мгновения забыв про боль, человек пополз из своего укрытия, отталкиваясь ногами, сдирая ногти в борьбе за жизнь. Наверх. Неважно как. Прочь из разрушенных подземелий, лучше умереть, последний раз взглянув на мертвый город, и закончить свой путь вместе с ним, чем долго и мучительно подышать под бетонными плитами, глядя туда, где есть свобода, но не умея взять ее.

Он подтянулся на локтях, извиваясь ужом, миновал тесный лаз между обломком плиты и стенкой вентиляционной шахты и невероятным усилием уцепился за скобу лестницы, ведущей на поверхность.

Здесь по-прежнему было дымно, и к едкому духу паленой краски и проводки примешивался чуть сладковатый, почему-то очень знакомый запах.

Человек на мгновение замер, пытаясь поймать обрывок мысли, которая скользнула на задворках сознания, и когда пришло понимание, его вырвало на

одежду, на осколки камня.

Запах сгоревших тел. Триста человек. И один выживший. Один. Из трехсот. Снова хлынули слезы, несчастный заходился кашлем и рыданиями, не в силах сдвинуться с места.

Тихий посторонний звук вонзился в мозг сигнальной ракетой. Беги. Думать позже, беги! Плиты, находившиеся в шатком равновесии, чуть сместились, и этот звук крошащегося бетона заставил человека резко подтянуться на руках. Он повис на скобе всем своим весом, молясь про себя, чтобы она выдержала.

На несколько секунд стало очень тихо, и вдруг плиты рухнули с оглушительным грохотом, троекратно усиленным узкой вертикальной норой вентшахты. В воздух взметнулся столб бетонной пыли, проникая в легкие, забивая глаза и уши, смешиваясь с дымом.

Это конец. Конец. Но впереди, пробиваясь через пелену, мерцал свет, дарующий надежду.

Человек карабкался вверх, собрав все свои силы, не думая, не чувствуя больше ничего, кроме единственного желания – выжить.

Скоба с треском вылетела из стены, не выдержав нагрузки, повисла на одном болте. Рвущийся к свободе пленник успел ухватиться, повис, тщетно пытаясь нащупать ногой опору и подтянуться.

Наверху умопомрачительно пахло снегом, ветер уносил дым и пыль. Четыре метра. Всего четыре метра вверх.

От избытка кислорода закружилась голова, перед глазами заплясали мушки. Несчастный едва не разжал руки, ощущая бессилие. Отчаянье захлестнуло его с головой. Спасение так близко – и так бесконечно далеко. Жалкие четыре метра казались длинными, как жизнь.

«Не хочу умирать. Не хочу. Не хочу!»

– Не хочу! – хриплый крик отразился от стен, закружился и устремился вверх, а следом за ним в последнем отчаянном порыве – человек.

Две ступеньки. Одна. Слишком узкая решетка вентиляционной шахты. Не пролезть, не сорвать. Все тщетно. Все кончено.

Выживший с усилием протиснул голову между прутьями решетки, надорвав ухо до крови, и карабкался дальше, обдирая обожженную кожу.

Рассудок мутился, и в какой-то момент узник подземелий перестал понимать, где он находится, что делает. Дергался вперед, сопровождая каждое движение криком боли, еще и еще, боясь потерять сознание до того, как окажется на свободе. Так близко. Рывок – и он рухнул в сугроб, проваливаясь в спасительное черное небытие.

Глава 1

Расплата

Он бредил, его мучил жар, и одновременно было очень холодно. На короткие мгновения человек выныривал из темного омуты, пытался приподняться, но силы его покидали, и он снова с головой уходил в тяжкие видения.

Его звали Дмитрий, это он точно помнил. А еще память услужливо подсовывала: «Номер триста четырнадцать! Встать! Лицом к стене, руки за голову!» Цифра раскаленным клеймом врезалась в сознание – забыть свое имя, забыть, кто он есть и зачем живет, но порядковый номер помнить. Забудешь, отвлечешься – и кара настигнет незамедлительно. Сквозь сон, сквозь помутившийся рассудок – номер триста четырнадцать.

Дым из вентиляционной шахты уже почти не шел. Бункер теплоцентрали догорел, разрушенный до основания, а вместе с ним – его жители. Добрые и злые, преступники и жертвы – очищающий огонь не пожалел ни младенцев, ни стариков.

А на поверхности, в снегу, умирал последний человек этого города. Юноша, на вид не старше двадцати лет. Умное, некогда симпатичное лицо было обезображено волдырями и покрыто коркой спекшейся крови, светлые волосы обгорели и превратились в торчащий неровный ежик. Руки с тонкими изящными пальцами никогда не знали тяжелой работы, но на них отчетливо проглядывались следы недавних истязаний, ногти были обломаны до мяса. Одежда была покрыта дырами и подпалинами, на пришитом куске ткани отчетливо виднелась цифра, написанная перманентным маркером: 314. Ядовитый радиоактивный снег таял, стекал по щекам, оставляя на покрытом гарью и пылью лице светлые полосы. Несчастный был еще жив.

Он метался, измученный кошмарами и видениями, но не мог очнуться. Сугроб под ним растаял практически до земли.

- Расплата... За все расплата... За грехи... - бессвязно шептал Дмитрий.

«Перспективный юноша. Этот далеко пойдет!» - Доктор Менгеле и полковник Рябушев хвалят юного помощника ученого, имеющего талант к биологии и химии. Привилегированная каста. Лучшая еда, лучшие девушки бункера, похвалы на собраниях, при всех. Парни расступаются перед младшим товарищем, ему достаточно указать пальцем на обидчика, и тот отправляется на нижние этажи без права на возвращение. Девчата готовы выдернуть соперницам волосы, лишь бы завладеть хоть толикой его внимания. Личный помощник Доктора Менгеле, его самый многообещающий ученик, готовый на любые жертвы ради науки.

На любые жертвы... Мысль тяжело царапала сознание, тревожила и мучила. На любые жертвы - это когда жертвуешь собой. На любые жертвы, перешагивая через жизни таких же живых людей, - так не считается, это подло, Дима, подло и гадко.

Она стала правой рукой Рябушева - женщина, плод их самого успешного эксперимента. Мутант, которому удалось вернуть человеческий облик. Открытие, достойное Нобелевской премии, которую постоянно вспоминал Доктор Менгеле.

Марина Алексеева, чтоб ей гореть в аду!

Дмитрий застонал, загребая пальцами снег, с усилием открыл глаза. Медленные свинцовые тучи скрывали солнце, лениво сбрасывали на город мелкие пригоршни снега. Будет метель. Нужно найти укрытие. Нужно встать. Холодно.

Ему казалось, что из пучины беспомощности к нему тянутся сотни призрачных рук. Он погубил их всех. Они все погибли по его вине. Алексеева, будь она проклята, все из-за нее, из-за нее!

Юношу снова затянуло в темный водоворот. Лица, лица. Искаженные болью, перекошенные от крика, умоляющие о помощи.

Вот молодой ученый раздраженно отпихивает ногой несчастного, который распластался по полу и умоляет о снисхождении. Диме противно, но по большому счету все равно. Его тезка, тоже Дмитрий, совершил проступок и должен быть наказан. Такова основа системы. Подчинение и труд – основа лучшей жизни. Из серого зала нет иного пути, только в вечность во имя науки.

– Тебе дан уникальный шанс послужить на благо всем выжившим после Катастрофы. Пусть это больно – а кто сказал, что великие дела делаются легко?

Высокие, патетические слова, в которые он сам когда-то верил. Искренне верил, с фанатичной яростью защищая право вершить человеческие судьбы. О, как это было приятно – осознавать, что он выше их, выше этих жалких людишек, которые по одному его слову окажутся в лаборатории, униженные и молящие о пощаде.

Власть – какое сладкое слово. И Рябушев, и Доктор Менгеле, и практически все обитатели красного зала знали это волшебное чувство – ощущение собственного превосходства, пусть даже и основанное на страхе.

Дмитрию подумалось, что полковник Рябушев с возрастом становится слишком отходчивым, когда начальник бункера военных помиловал его тезку и оставил в сером зале, наказав всего лишь несколькими днями в карцере.

Всего лишь! В сердце вонзилась раскаленная иголка стыда и отвращения к самому себе.

«Когда, в какой момент я оступился? Когда потерял веру в собственную непогрешимость?» – этот вопрос он задавал себе, сидя в карцере на жестком полу, уставившись в одну точку.

Никогда не голодавший, не знающий, что такое бессонные ночи, побои и унижения, молодой ученый рыдал от боли и обиды, проклиная себя, проклиная весь мир. Но сквозь страдания и слезы пробивались раскаянье и вера в то, что даже один крохотный шаг по этому пути не напрасен.

Сколько раз Дмитрий мысленно просил прощения у Жени! Это его рука держала шприц с транквилизатором, экспериментальным препаратом, итогом совместных трудов его и Доктора Менгеле. Кто, как не он, знал, что несчастный пленник испытает ужасные мучения, которые закончатся страшной смертью?

Марина встретила с ним в тот же день, бледная, впервые заплаканная. Она вышла из кабинета Доктора Менгеле, постаревшая на несколько лет за считанные минуты, с потухшим взглядом. Ее мальчик был обречен, женщина тоже это знала. Боялась идти к нему в камеру, боялась увидеть то, что должна была.

Впервые за многие годы Дмитрий увидел в глазах человека то, что заставило его отшатнуться и вызвало желание бежать без оглядки.

Сострадание ближнему своему? Боль душевную, которая превосходит страдания тела? Что Марина сказала ему, почему после этой встречи все полетело к чертям?

Память стерла этот разговор, оставив в сердце надрывную, не прекращающуюся тоску.

Молодой ученый смотрел ей вслед, когда женщина уходила по коридору, ощущал на руке холодный влажный след ее пальцев, залитых слезами. Невидимая струна внутри лопнула, и Дмитрий знал, что вместе с этим оборвалась и его жизнь. Доктор Менгеле никогда не простит ему измены.

Безумный взгляд Жени, искусанные губы, перекошенное лицо снились молодому ученому в кошмарах. Раз за разом пленник приходил ночами, смотрел, смотрел, смотрел. Его вытаскивали под руки из бункера – умирать.

И теперь он, Дмитрий Холодов, ученый, правая рука всемогущего Доктора Менгеле, умирал на холодном снегу, – так же, как пленник, погибший от его рук...

Лицо юноши заливали горькие слезы. Они застывали на морозе, тревожа ожоги. Руки, замерзшие в снегу, немели, синие и безжизненные.

«Расплата. Все мертвы, кроме меня. Почему, зачем я выжил, зачем еще существую?»

Доктор Менгеле был в ярости, когда Дмитрий бросил ему в лицо злую правду. Он загнал своего подопечного в угол и избивал ногами, рыча угрозы. Почему тогда юноше не хватило сил отказаться от своих слов?

Геннадий Львович отправил своего ученика в карцер – подумать несколько дней, прежде чем дать окончательный ответ. Живот сводило от голода, синяки по всему телу немилосердно ныли, наливаясь темной кровью, заключенному не давали спать. Стоило забыться тревожным сном, фонарь светил в лицо: встать! Раз за разом. Бесконечно.

В темноте и тишине измученное бессонными днями и ночами сознание искало оправдания, жалкие и тщетные. «Я не отдавал приказа их мучить. Я – исполнитель. Это во благо науки. Это ради выживания всего человечества!» И чем больше этих мыслей роилось в голове, тем больше Дмитрий убеждался в собственной никчемности и фальши всего спятившего мирка под началом полковника Рябушева и Геннадия Львовича.

Он знал, что наказание будет страшным, юноше было жутко до одури. Кому, как не правой руке Доктора Менгеле, знать, что может с ним сделать сумасшедший ученый?

Ровно то же самое, что делал с ними всеми ты. Эта мысль крышкой саркофага рухнула в сознание, и заключенному подумалось, что, наверное, так приводится в исполнение смертный приговор. Только в его случае – растянутый во времени на долгие дни и недели...

Выживший открыл глаза и смотрел в темнеющее перед бурей небо. Память пролистывала картины нескольких последних недель, но переживать все это вновь было слишком тяжело.

Дмитрий пошевелился, и тело мгновенно отозвалось болью. Живой. Пока еще живой. Сознание прояснилось, липкий туман бреда отступил, выпустив из своих лап несчастного пленника.

Хотелось пить. Юноша засунул в рот пригоршню снега, и вдруг улыбнулся, растягивая потрескавшиеся, искусанные губы в оскал.

– Живой. Раз живой, значит, Вселенная дала мне еще один шанс. Мы все принимали пластохинон. Что будет со мной на поверхности? Чтобы узнать, нужно идти. Нужно. Идти.

Хриплый голос, сорванный от крика и надрывного кашля. Дмитрий перевернулся на живот, стиснув зубы, чтобы не закричать. Поднялся на четвереньки и встал, с трудом держа равновесие.

«И все же Алексеева была права. За все нужно платить. Я делал страшные вещи с Женей и многими до него. Теперь мне предстоит на своей шкуре прочувствовать то, что я заставил пережить их. Трижды я был на волоске от гибели, трижды выживал.

Доктор Менгеле должен был ввести мне тот же транквилизатор, что и Жене. Мне повезло в первый раз, когда после штурма Теплоцентрали про меня забыли. На время. Брошенный в карцер умирать без еды и воды после пыток моего учителя, я единственный избежал смерти после взрыва. Когда Марина, проходя мимо моей камеры, на мгновение остановилась и шепнула мне «Прощай!», мог ли я подумать, что она говорит не о моей смерти, а о массовой казни всех, и правых, и виноватых? И только мне повезло. Повезло ли? Всю оставшуюся жизнь каяться в своих грехах и никогда не отмыться от этой страшной вины. Один шаг по дороге раскаянья уже не напрасен – так она мне сказала? Будь проклят тот день, когда Алексеева появилась в нашем бункере. Будь проклята моя душа, не вовремя разбуженная Мариной. Ненавижу, как же я ненавижу эту женщину. Но как я благодарен ей. Я сошел с ума, помешался, чокнулся. Верю, что сделал все так, как должен был, и проклиная себя. Это моя кара и расплата – вечно винить себя в том, что совершил. Поэтому я все еще жив.

Хотя хотел бы сдохнуть... Пары секунд не хватило, чтобы те рухнувшие плиты меня раздавили. Не задохнулся в дыму, даже через решетку пролез. Пусть так. Этот мир не готов меня отпустить, пока я не заслужу прощения. Только что я могу сделать, кроме как бесконечно винить себя?»

Дмитрий побрел через сугробы в сторону дороги. Его одинокая беззащитная фигура черным силуэтом выделялась на фоне белоснежных сугробов, закутавших в одеяло здания и градирни Мытищинской ТЭЦ.

К ограде теплоцентрали протянулась цепочка запорошенных снегом следов. Юноша наступал след в след, не задумываясь, зачем и куда идет. Страх ушел, оставив кристальную ясность сознания. Каждый шаг отдавался болью, мелкие колючие снежинки, казалось, вонзались в тело, как иголки.

Дима шагал по снегу, не глядя по сторонам, погружившись в свои мысли и свою муку, она доставляла ему мрачное удовлетворение, на лице блуждала безумная ухмылка.

«Получи, получи. Так тебе и надо. Им всем тоже было больно. Ты плевать хотел на крики, отпихивал ногами молящих о пощаде. Раз за разом. Год за годом. Столько лет. Что, снегом по волдырям – ай-ай-ай? Ты испытывал на живых людях яды, от которых кожа слезала кусками. Холодно? Ты оставлял пленников на морозе на несколько суток, приходил к ним, закутанный в химзащиту и куртку, пока они, раздетые и синие, просили тебя о милосердии. Ты заботился, совершая свои эксперименты, о выживании человечества? Лжец. Твоими стараниями на тот свет была отправлена добрая сотня представителей этого самого человечества. Мучайся, получай!»

– Я сошел с ума. Я сошел с ума... – повторял одними губами юноша.

Ему вспомнилась ярмарка в заброшенном здании торгового центра на станции Мытищи. Как же бесконечно давно это было...

Ребята из бункера Метровагонмаш тогда принесли на продажу огромную стопку художественных и религиозных книг, найденных в подвале Владимирской церкви, стоявшей неподалеку от завода.

Тогда еще совсем мальчишка, Дима с пытливым любопытством листал книги с житиями святых. «Чтобы смирить плоть свою, святой старец истязал себя кнутом и останавливался лишь тогда, когда кровь струилась с него ручьем...»

Память услужливо подбросила строчку, случайно увиденную почти десять лет назад. Тогда ученик Доктора Менгеле решил, что это бред и выдумки. Ну какой человек в здравом уме будет бить себя до крови? Парень недовольно отложил книжку и устремился вслед за Геннадием, который выторговывал у автоконструкторов очередную партию колб и реторт.

И вот теперь Дмитрий с внезапной ясностью осознал то, что не сумел понять раньше. Собственные страдания приносили ему успокоение. Ему казалось, что каждая секунда боли – это крошечная капля прощения. Пусть мертвые видят. Пусть принимают горькую исповедь.

Мертвые... Юноша остановился, глядя на два тела, припорошенные свежим снегом. Он узнавал, и от этого становилось жутко. На снегу, застреленный, рядом с Мариной, лежал Женя.

– Вот мы и встретились снова, – задумчиво прошептал Дмитрий. – Неужели тебе удалось выжить? Как? Это невозможно, настоящее чудо.

Женя мертвыми глазами смотрел в небо. На его лице застыла улыбка, он уходил почти счастливым. Марина лежала у него в ногах, под ее головой замерзла в алый лед лужа крови, рука сжимала пистолет. Дима все понял.

– Ты наконец-то свободна. Покойся с миром. Я никогда не верил ни в рай, ни в ад, но теперь уже сомневаюсь. Надеюсь, ты в лучшем из миров.

Он опустился на колени возле трупов. Его терзало, мучило то, что творилось у него внутри, хотелось говорить, оправдываться. Но в этом городе в живых остался только он. А мертвые не дают советов, да юноша в них и не нуждался.

В безотчетном порыве он коснулся окоченелой руки Евгения.

– Прости меня. Я верю, теперь верю, что после смерти что-то есть, и ты видишь меня оттуда, слышишь мои слова...

Женино лицо – изможденное, с запавшими глазами и черными кровоподтеками – хранило на себе следы болезни, вызванной транквилизатором Доктора Менгеле.

– Прости... – повторил Дмитрий. – Я знал, что так будет. Знал, но все равно сделал. Когда мы с Геннадием Львовичем создали этот препарат, я был в восторге. Несколько недель упорной работы увенчались успехом, мы научились синтезировать чистое вещество из спор грибов и доводить его до нужной концентрации, чтобы оно оказывало седативный эффект. Оно работало, правда. Но в том шприце было то, что убило бы тебя, практически концентрат. Это я стал твоим палачом. По приказу Доктора Менгеле? О, нет, это было мое решение, за которое я никогда себя не прощу. Тогда мне казалось, что мы совершаем научный прорыв. Но потом я спросил себя – зачем? Мы не нуждались в результатах этого эксперимента, по большому счету. Научное любопытство ценою в одну человеческую жизнь. Сколько жизней мы погубили не во имя выживания человечества, а ради эксперимента и удовлетворения собственной жажды власти? Почему мы не проводили опыты на мышах, а ставили их на живых, разумных людях? Почему? Ты сломал меня, Женя. Я осознал и уверился в том, что свернул не туда в своей жизни. Никто не давал мне права калечить и убивать. Никакая наука не оправдывает этих средств. Прости меня, пожалуйста. Веришь ли, если бы я мог повернуть время вспять, я бы взорвал к чертям бункер военных. Но я не понимал раньше. Теперь знаю.

Юноша поднял с земли размокший от снега блокнот. Дневник Марины Алексеевой. К записям из бункера в Раменках подклеены новые листы, исписанные аккуратным женским почерком. Последняя запись – 3 января 2034. «Сегодня я взорву бункер. Бона менте, товарищ полковник!»

– Значит, все-таки ты... – задумчиво пробормотал Дима, листая онемевшими от холода пальцами мокрые пожелтевшие страницы с растекшимися чернилами.

Дневник Алексеевой. Стоило ему оказаться в чужих руках – и с теми, кто нашел его, начинали происходить поистине жуткие вещи. Его владелица, как ангел Смерти, приносила с собой разрушения и страдания. Но теперь она мертва. А ее дневник – в руках у последнего выжившего Мытищ, у того, кого спасло невероятное стечение обстоятельств, практически чудо. Круг замкнулся, и начался новый виток истории.

Глава 2

Нагорное

– Э, живой? – голос, искаженный фильтрами противогаза, прозвучал настолько неожиданно, что Дмитрий едва не повалился лицом вперед, на мгновение лишившись равновесия.

Юноша выдохнул и медленно обернулся. Рядом с ним стояли две фигуры в защитных костюмах, вооруженные допотопными охотничьими двустволками.

– Вы кто такие? – прохрипел он, чувствуя бесконечную глупость своего положения и внезапное облегчение. Люди. Живые. Враги, друзья, какая разница. Уже все равно.

– Ты это, вставай, застудишься. Чего без резины шастаешь? Кто такой будешь? – прогудел мужчина, однако ствол оружия не отвел, так и держал на прицеле.

Его говор – простоватый, похожий на деревенский – отчего-то успокоил Диму. Этот не выстрелит.

– Мне нужна помощь, – произнес юноша, поднимая руки.

– Да мы видим, – в голосе собеседника прозвучала горькая ирония. – Ты откуда тут такой взялся-то? Смотреть страшно.

Бывший помощник Доктора Менгеле молча указал пальцем вниз.

– Тьху, мать, не знал бы, шо там бункер, думал бы, черт по мою душу явился, – мужчина размашисто перекрестился затянутой в резиновую перчатку рукой.

Дмитрий удивленно вскинул брови и вдруг расхохотался. Он смеялся, срывая связки, в голос, и вдруг зарыдал, горько, с подвываниями, упал на колени и продолжал плакать, размазывая по лицу слезы вместе с кровью и копотью.

– Эй, эй, малой, ты это... Завязывай, что ли! – растерянно пробасил второй, скидывая на землю большой, туго набитый рюкзак.

Юноша поднял на него страдающие глаза.

– Помогите мне. Я последний живой здесь, – всхлипывая прошептал он.

«Черт из преисподней. Вот я кто. Помощник дьявола, Доктора Менгеле...»

– Слышь, Ефремыч, пошукай химзу и респиратор, да давай к домам, – обратился к товарищу мужчина, помогая Диме подняться на ноги.

Парня укутали в резиновый плащ, нацепили на лицо маску.

– Идти можешь?

– Смотря как долго, – мрачно ответил Дима, вдруг ощутив такую слабость, что задрожали колени.

– Долго, – протянул мужчина. – Деревню Нагорное знаешь, тут рядом, восемь километров пешком? Тьху, мать, не дойдет ведь. Дотащим, Ефремыч?

– Дотащим, – за окулярами противогаза блеснули живые, добродушные глаза.

Ефремыч передал товарищу рюкзак и опустился на корточки перед парнем.

– Залезай на закорки, только держаться сам будешь, – скомандовал он.

Дмитрий с трудом забрался на спину мужчине и обхватил его за шею. Замерзшие руки свело болью, резина химзащиты терлась об обожженное тело. Но юноша молчал, стиснув зубы, радуясь, что спутники не видят его перекошенного лица.

Ефремыч крикнул и выпрямился, подхватывая парня под колени.

– У меня рюкзак тяжелее тебя, заморыш, – беззлобно ухмыльнулся он. – Ну, вперед. Бог не выдаст, свинья не съест.

Шли быстро, размашистым шагом преодолевая сугробы. Первый из мужчин, которого Дима про себя окрестил «деревенским», внимательно вглядывался в разрушенные постройки по обочинам дороги.

– Тут никто не живет, есть пара тварей, и те безвредные, люди им не интересны, – негромко окликнул его Дмитрий.

«Все монстры этого города жили под землей, – добавил он про себя. – На поверхности так, зверюшки...»

– Тьху, мать, не отвлекай, без тебя, сопляка, разберусь, – огрызнулся «деревенский», не сбавляя шага.

На город опускалась ночь, быстро темнело. Дима покачивался на волнах боли в такт шагам Ефремыча. От мужчины резко пахло немытым телом и грязными вещами, запах пробивался даже сквозь резину химзащиты.

«Люди живут по-другому, не так, как мы. У нас все было. Потому и озверели, пропала нужда выживать, и мы ударились в науку, забыв про человечность. Марина выжгла наш осиный улей, пока такие, как Доктор Менгеле или я, не попытались подмять под себя еще больше. Куда это мы идем, и кто они такие, мои спасители? А, какая разница. Мне уже все равно. Просто все равно...»

Территория теплоцентрали кончилась, промелькнуло Осташковское шоссе. Впереди чернел лес. Юноша поежился от нехорошего предчувствия, когда его спутники шагнули под сень деревьев.

Сонное безразличие как рукой сняло. Что-то в этом лесу решительно не нравилось Диме, и обостренное чутье пусть бывшего, но ученого, забило тревогу.

Спутники не сбавляли шаг, стараясь проскочить опасный участок. Им тоже было не по себе под нависшими ветвями.

– Мы тут не ходим, нечего нам в ваших Мытищах делать, – отчего-то начал оправдываться Ефремыч.

– Тихо там! – оборвал его товарищ, останавливаясь.

Мужчины сделали пару шагов вперед и остановились. В наступившей тишине было слышно, как потрескивают заснеженные ветки, завывают где-то вдалеке собаки. Лес жил своей жизнью, охраняя тайны, в которые не стоило лезть человеку.

– Ну, чего, вроде спокойно все, идем, – кивнул «деревенский», обводя стволом ружья полукруг вдоль дороги.

– погоди, – Ефремыч присел на корточки и спустил на землю Диму. Он как-то слишком нервно стащил с плеча двустволку, торопливо сунул в стволы по патрону и клацнул затвором.

– Ты чего? – недовольно проворчал его спутник, оглядываясь по сторонам.

– Да тень там какая-то между деревьями, вроде, светится что-то зеленым, краем глаза вижу, а прямо смотрю – как бы и показалось, – Ефремычу явно было неловко за свою панику, но иррациональная тревога не отступала.

Дима напрягся, ощущая, как по позвоночнику пробегает холодок.

– Где? – резко спросил он, до боли в глазах всматриваясь в хитросплетения ветвей.

Мужчина указал ружьем куда-то на правую обочину, за ржавый остов автомобиля.

– Твою же в душу... – бледнея, выговорил Дмитрий.

Увлеченный собственными мыслями, он только сейчас заметил движущиеся тени. Темный сумрак ветвей наливался зеленоватым светом, видимым пока только боковым зрением. Лес будто пульсировал, по-прежнему темный и внешне спокойный, но спор грибов здесь было столько, что хватило бы на целую армию.

Дима заметался, озираясь вокруг, ища пути отступления. Облачка спор окружали их кольцом, и только сзади оставался небольшой разрыв.

– Назад! Бегом! – крикнул юноша. Он подхватил с земли пригоршню снега, швырнул ее перед собой. На мгновение тень распалась, растеклась по сторонам.

Трое бросились прочь, мужчины – перепуганные реакцией спутника, Дима – потому что он слишком хорошо знал, что будет дальше.

Через несколько минут сумасшедшего бега выскочили на шоссе, подальше от ветвей деревьев. Дмитрий остановился, силясь отдышаться, закашлялся, приподняв маску респиратора, сплевывая на землю клочья копоты вместе с алыми крапинками крови.

– Живой? – «деревенский» озабоченно хлопнул парня по спине. Тот взвыл от боли, оседая на землю.

– Дурак... – сквозь зубы выговорил он.

– Прости, друже, не рассчитал. Мы чего так драпанули-то оттуда?

Дима зачерпнул ладонью снег и сунул в рот.

– Эй, ты ополоумел, что ли? – в один голос воскликнули его спутники.

– Головушкой тю-тю – радиоактивный снег жрать? Жить надоело? – добавил Ефремыч.

– Мужики, отвяньте, без вас тошно! – резко оборвал их Дима, кажется, совсем не боясь потерять новых товарищей. – Я вам такого рассказать могу, что снег этот так, ерунда. А в лесу – тени видели? Ну так вот, в лес больше не суйтесь, дорога закрыта.

– Ядовитые, что ли, какие? Так мы ж в защите!

– Не поможет вам защита. Сказано – в лес не ходить. Все, табу, закрыто, – раздраженно проворчал юноша, недовольный непонятливостью спутников.

– Ну, если так – спасибо, – недоверчиво протянул Ефремыч. – Задницей чуял – что-то не то, башкой верчу – вроде чисто, а тут вот оно что. Тебя как звать-то, найденыш?

– Димой зовите.

– Я – Михал Ефремыч, а это начальство наше, Борис Борисыч.

– Можно просто Бугай. Ты это, историю до дома побереги, не дело тут посреди дороги болтать. Идем дальше.

* * *

До Нагорного добрались без проблем. Небольшой поселок с частными домами утопал в сугробах по самые крыши.

Мужчины уверенно свернули в сторону коттеджей, от времени растерявших былой лоск, с обвалившимися декоративными панелями и пустыми окнами.

– Ну, пришли, – с облегчением выдохнул Бугай, заходя в полуразвалившееся здание, бывшее, видимо, когда-то развлекательным заведением.

Вниз, в подвал, вела выщербленная лестница. Мужчина дал знак ожидать и быстро спустился по ступеням, однако ружья не опустил.

Внизу послышалась возня, Бугай матерился сквозь зубы, поминая каких-то «гребаных ухверток, чтоб у них хвост отсох», потом раздался выстрел, хруст сминаемого тяжелым сапогом хитина, и снова стало тихо.

Дима поежился, на всякий случай сделал шаг назад.

– А, нормально, насекомых развелось. Тепло чувят, вот и прут в наш подвал, чтоб не околеть совсем. Ща караульным по шапке настучим, сказали же – к ночи

вернемся, ждите, нет же, все самим, все самим.

Через пару минут Бугай высунулся наверх.

– Тьху, мать! Чисто, спускайтесь. Нашим стукнул, открывают.

Ефремыч достал из кармана фонарик и подсветил ступени. Дима держался за стену, осторожно наступая на битый камень. Только сейчас он начал осознавать, какой на самом деле слабак, и как не приспособлен к жизни вне стен уютного бункера, где всего всегда хватало. И от этого ощущения становилось страшно, привычный ему социум, пусть даже вычеркнутый его имя из своей истории, пусть ополчившийся, но знакомый и родной, исчез и остался воспоминанием, приятным сном, а перед ним был враждебный мир, в котором нужно было выживать.

У гермодвери убежища лежало убитое насекомое размером с кошку. Сзади у него торчал грозного вида острый шип, не уступающий хорошему кинжалу по длине. Видимо, его и застрелил Бугай.

Дима вошел в темный коридор и едва не потерял сознание. Воздух убежища, спертый, замкнутый, пах нечистотами, грязью и потом, к этому примешивался тонкий запах какой-то еды, которую вряд ли можно было считать съедобной после довоенной тушенки. Юноше казалось, что он мгновенно пропитался этим духом насквозь, так, что хотелось щеткой соскрести с себя кожу.

– Ну, чего морду кривишь? Топай давай, кормить тебя будем, лечить. Чувствуй себя как дома, чем богаты, – гостеприимно распахнул внутреннюю дверь Бугай.

Химзащиту скинули тут же, в коридоре, на криво вбитые гвозди. После коридора убегала вниз узкая лестница. Повсюду было темно, но то, что бункер был жилой, ощущалось сразу. Внизу смеялись, гомонили, несмотря на то, что на поверхности была глубокая ночь.

Ступени шатались и трещали на все лады. В темноте Дима оступился и едва не полетел вниз, но Бугай поймал его под локоть.

– Держись за руку. У нас даже малышня спускаться умеет, а ты, лоб здоровый, чуть не улетел, – беззлобно уколол его мужчина. – Ну, добро пожаловать.

Перед глазами юноши открылся большой зал с низким потолком, стены были завешены многочисленными коврами, грязными и засаленными настолько, что рисунок слился в серо-коричневое пятно. По центру стоял колченогий стол, за ним компания мужчин самого разного возраста играла в карты.

Двое доигрывали кон, остальные с интересом следили за исходом поединка.

– Все, в дураках ты, Васятка, – гоготнул полноватый, налысо бритый мужчина в заляпанной футболке и протертых на коленях спортивных штанах. – Подставляй лоб.

Васятка, молодой парнишка с торчащими красными ушами, покорно наклонился и получил звонкий щелбан. Компания одобряюще захохотала, единственная женщина раздавала карты.

– Под дурака ходят, – заявила она неожиданно молодым голосом, хотя на вид Дима дал бы ей не меньше сорока.

В дальних углах скапливалась темнота, там на матрасах спали дети, чумазые и тощие. Глазастый паренек не старше трех лет внимательно наблюдал за старшими, но не лез.

Зал освещали лучинки из тонких щепок, зажатые в разрезанные крышки консервных банок. Электричества в бункере не было.

– Э, народ, начальство вернулось! – рявкнул Бугай, выходя в освещенный круг.

– А это что за заморыш? – бестактно поинтересовался один из картежников.

– Заморыша зовут Дима. Будет с нами жить. Пожрать сообразите, что ли, голодные с дороги. И растолкайте кто-нибудь Ленку, пусть глянет, что с этим дохликом делать, может, намазать чем. Сеня, ведро вскипяти, надо товарища помыть, весь закопченный. А ты, друже, не стесняйся, проходи, садись. Сейчас еды принесем, Леночка придет, осмотрит тебя, она у нас медик, чуть-чуть до

диплома не доучилась в медицинском, но все лучше, чем ничего.

Диме было худо. От удушающей вони, стоящей в воздухе, начинала кружиться голова, а желудок сжимался спазмами. Болело все тело, казалось, не было ни одного сантиметра кожи, к которому можно прикоснуться.

– Что у вас из лекарств есть? Я с медициной знаком не понаслышке.

– Лекарств? – задумчиво протянул Бугай. – Да откуда бы, все уже лет десять, как покончалось. Ты это, Ленку лучше спроси. Короче. Народ, это Дима. Диму не обижать, вопросами не доставать, дайте человеку очухаться. А я пошел, скоро буду.

Леночка оказалась сердитой теткой неопределенного возраста, почти беззубой, как и многие здесь, с красными грубыми руками.

– Кому тут не спится?! – грозно рявкнула доктор, обводя взглядом присутствующих.

– Елена, это из-за меня вас потревожили, – вежливо подал голос Дмитрий.

Женщина осеклась от неожиданности, удивленно вскинула брови.

– Интеллигент, что ли? Ты кто такой-то? – уже спокойнее спросила она.

– Зовите Димой. Елена, у меня ожоги второй степени, очень больно. Поможете? – голос юноши, помимо его воли, прозвучал совсем жалобно и измученно.

– Еле-е-ена, – протянула доктор. – Меня так уже лет двадцать никто не называл. Поди ж ты, царевич-королевич. Только вот, как бы ни хотела я тебе помочь, ничего не выйдет. Лекарств у нас нет. Ни аспирин, ни вазелин, как говорится. Так что, дружок, по старинке, баночку выдам, в баночку пописаешь, этим и намажешься. Уринотерапия. Лучше, чем ничего.

Дима с отвращением скривился.

– Неужели ничего нет вообще? – тихо спросил он. – Как же вы тут живете?

– В дерьме живем! – внезапно злобно ответила Лена. – Ты на нашу голову свалился – жрать дадим, спать положим, а ему тут царских почестей подавай! Не нравится – сиди так!

Юноша, не ожидавший такого напора, отшатнулся.

– Я понял, Елена, не кричите. Как скажете, так и сделаю.

Доктор склонила голову набок и поджала губы, внимательно разглядывая незваного гостя.

– Ишь ты, поди ж ты. Я его – матом, а он мне «Елена», да «как скажете», – задумчиво выговорила женщина. – Извини, что ли, не обижайся. Чем богаты. Садись к столу, вон, Галка похлебку несет. Поешь, поспишь, авось само пройдет. Не знаю я, чем тебе помочь. Хоть режь меня, не знаю.

Леночка устроилась на табуретке, внезапно погрузилась в свои мысли.

Перед Димой стояла дымящаяся паром миска, но он никак не мог заставить себя съесть хотя бы ложку, хотя желудок сводило от голода. Варено не только выглядело отвратительно, но и пахло. Считалось, что хуже, чем в карцере полковника, кормить не могут. По сравнению с тем, что принесли ему хлебосольные жители Нагорного, похлебка для заключенных была деликатесом. Дима с тоской вспомнил жестяную кружку, наполненную супом из грибов и моркови, которую принес солдат на ужин три дня назад.

Трое суток без пищи давали о себе знать. Дима зачерпнул ложку и проглотил, стараясь не дышать. На вкус это было еще хуже, чем на запах. Но в животе моментально потеплело, поэтому юноша ел.

«Я не хочу знать, из чего это. Не хочу!»

– Ну, как? – участливо спросил один из ребят, сидевших на противоположном конце стола. – Ты ж не местный, такого нигде не попробуешь. Жаркое из ухвертки по фирменному рецепту от Галочки!

Юношу едва не вывернуло наизнанку. С огромным трудом он сдержал рвотный рефлекс, но заставить себя хотя бы посмотреть в миску больше не мог.

– Не нравится? – расстроено спросила Галочка, опершись подбородком на скрещенные пальцы.

– Очень вкусно. Привык мало есть, спасибо за отличный ужин! – попытался улыбнуться Дмитрий.

Взгляды всех присутствующих были направлены на него, каждый из жителей успел рассмотреть его с головы до ног, не стесняясь своего чрезмерного любопытства.

– А ты чего это с номером? Зэк, что ли? – бесцеремонно спросил проигравший в карты Васятка, тыкая в белую нашивку на обгоревшей рубашке.

Диму передернуло, и это не укрылось от десятка внимательных взглядов. Послышались перешептывания.

– Не надо домыслов, дорогие друзья. Поверьте, мне нечего скрывать от вас, но сейчас я не в состоянии вести беседу. Извините, – беспомощно улыбнулся юноша, пятясь из-за стола.

– Э, ну нам же интересно! Ты откуда такой взялся-то?

– А ну, ша! – гаркнул Бугай, появляясь позади Димы. – Сказки, что ли, не читали, неучи? Сначала накорми, потом баньку истопи и спать уложи, тогда и спрашивай. Завтра все узнаем. Спать идите, нечего полуночничать. А ты давай за мной.

За хлипкой картонной дверью, ведущей из зала, оказался коридор с несколькими комнатками-отсеками. Мужчина завел парня в одну из них. Там стояла невероятно грязная чугунная ванна, на дне которой плескалась мутная теплая вода.

– Ты это, мойся тут давай, а я тебе сейчас одежду принесу какую-нибудь. И это, Ленку послушай, не кривляйся, все свои, никому не расскажем. Банку на.

– Спасибо, – обреченно выговорил Дима.

Бугай ободряюще улыбнулся и скрылся за дверью. Парень стащил с себя превратившуюся в лохмотья одежду и вдруг поддался внезапному порыву и с ненавистью оторвал нашивку с номером, разорвал ее на несколько частей и выбросил в угол.

В бункере было прохладно. Видимо, отопления, как и электричества, здесь не водилось. Юноша переминался с ноги на ногу, стоя босиком на ледяном кафельном полу, не решаясь прикоснуться к покрытым пятнами и какой-то слизью бортам ваны.

– Не хочу... Боже, за что?!

«Ты знаешь, за что. Ты прекрасно это знаешь. За полторы минуты на умывание и отправление нужды, за один сортир и пятнадцать минут на двадцать человек. За то, что концлагерь устроили, и ты оказался не с подопытными внизу, а наверху, и даже чуть выше, значит, согласился и принял. Значит, и сам такой же. Теперь лезь в эту грязь и ожоги уринотерапией лечи, заслужил!» – жестоко одернул его внутренний голос.

Дима выдохнул и залез в ванну. По крайней мере, вода была теплой, ноги перестали неметь, а кожа потихоньку возвращалась к нормальному цвету.

Юноша смыл с себя пыль и гарь, стараясь не касаться ожогов, вымыл слипшиеся в сальный ком волосы.

Потом вытерся куском грязной тряпки, лежавшей на краю ванной, выбрался на пол, оглядывая себя. Ему хотелось плакать. От тела отвратительно пахло, ему казалось, что до принятия ванны он был куда чище, чем сейчас.

Через пару минут вернулся Бугай с одеждой. Дима с омерзением взял у него джинсы и рубашку, которые, как ему показалось, не стирались вечно.

– Ты это, поворачивайся, натру тебя, а то сам не достанешь, – из добрых побуждений предложил мужчина, забирая со стула баночку.

«За что, за что, за что?» – чуть не плакал юноша, ощущая себя обитателем общественного сортира.

«За то, что заставлял провинившихся чистить унитазы голыми руками. За то, что использовал для «лечения» своих подопытных самые нетрадиционные способы. За то, что вколол Жене транквилизатор, подписав ему приговор. И если за остальное ты еще можешь оправдаться, что Доктор Менгеле тебя заставил, то последнее решение ты принял сам. Это был твой выбор, и ты за него расплачиваешься!»

– Ну, вот и готово. Одевайся, да иди отдыхать, авось к утру полегчает, – улыбнулся Бугай. Несмотря на внешнюю грубость, улыбка у него была добрая, открытая. Он искренне поделился с гостем всем, что имел, всеми силами стремился помочь. Диме хотелось быть ему благодарным, но он не мог.

Мужчина привел его в отдельную комнатку. На столе плясала рыжим огоньком настоящая свеча, в углу лежал такой же грязный, как и все в этом бункере, матрас, но в отличие от других, прикрытый одеялом.

– Это моя комната, ты сегодня тут поспи, попривыкни, а я в общем зале лягу. Гостям всегда лучшее, – Бугай продолжал улыбаться, довольный, что смог угодить.

Дима с трудом выдавил «спасибо», растягивая губы в оскал. Он чувствовал, что его сейчас разорвет от душащих рыданий, и когда мужчина закрыл за собой дверь, слезы хлынули рекой.

Юноша скорчился на матрасе, переполненный отвращением и брезгливостью, и плакал, плакал, плакал, жалея себя.

«Они жили так десятилетиями. Те, кто обитал в сером зале, хуже того – те, кто был в самом низу, и твои подопытные, и все остальные, кроме нескольких десятков тех, кто вовремя подсуетился и дал себе право распоряжаться человеческими судьбами. Они не сдавались, вам пришлось их ломать, насильно, с болью, с издевательствами, а ты за пару дней распустил сопли и упиваешься жалостью к себе. Ты недостойн жалости. Ты недостойн сочувствия!»

– Но почему я? Почему именно я? Почему те, кто делал то же самое, погибли при взрыве, даже не проснувшись? А я по-прежнему жив и страдаю? – шептал Дима вслух, но внутренний голос, именуемый совестью, был непреклонен.

«Почему ты? А почему тогда ты решал, кто будет просто мыть полы, а кого ты отправишь в лабораторию, на долгие муки? Ты выбирал, ты вершил судьбы, личный помощник Доктора Менгеле, будущий начальник бункера – ты ведь туда метил, не так ли? Так чего же ты хочешь теперь? Что заслужил...»

– Я не виноват... – простонал Дима, задыхаясь от слез. – Почему я засомневался? Чего мне не жилось в сытости и достатке? Почему пытки от рук бывшего учителя, почему это все – вонь и грязь, и насекомые на ужин? Почему?

«Потому что ты знаешь, что поступил правильно, – ответила совесть голосом Марины Алексеевой. – Раскаянье не бывает слишком поздним, хуже, если его не будет совсем. Будь мужчиной, мой друг, ты – ученый, ты со всем справишься. Оставайся ученым на благо выжившим, но не во вред. Ты искупишь свою вину, и тогда сможешь вздохнуть спокойно. Ты забрал жизни – для баланса мироздания ты можешь их вернуть, спаси жизнь тем, кто помог тебе в трудную минуту, и ты будешь прощен!»

Глава 3

Исповедь

«Спаси жизнь тем, кто помог тебе в трудную минуту, и ты будешь прощен!» Дима проснулся и рывком сел. Ему снилась Алексеева, она держала за руку Женю, и они улыбались, счастливые и свободные. Спаси жизнь и получить прощение. Каким образом спасти?

В комнате было темно, свеча догорела и оплавилась на столе лужицей парафина. Из-под двери пробивалась пульсирующая полоска света от лучины в коридоре.

Из общего зала слышались голоса и звон ложек о жестяные миски.

Дмитрий с трудом поднялся с матраса, он чувствовал себя куда лучше, чем вчера. Леночка не обманула, волдыри от ожогов уменьшились, обжигаящая боль стихла, стала фоновой, назойливой, но вполне терпимой. Раны и ссадины за ночь затянулись коркой, перестали кровоточить.

Юноша решил отложить обдумывание мысли о спасении на потом и вышел в общий зал. Разговоры стихли, жители убежища оторвались от еды, и на гостя уставились семнадцать пар любопытных глаз. Из них – несколько детских, принадлежавших вчерашнему тощему мальчишке с огромными глазами, бритым наголо созданию лет пяти-шести и высокому угловатому парнишке, щербато улыбающемуся двумя передними зубами.

За столом присутствовали знакомые со вчерашнего вечера сердитая растрепанная Леночка и веселая Галя с неровно остриженными короткими волосами. Кроме них, в углу удобно устроилась на стуле, поджав ноги под себя, молодая симпатичная девчушка не старше самого Димы. Была здесь и седая старуха с уставшим, мутным взглядом.

Остальными были мужчины разного возраста, самый молодой – картежник-неудачник Васятка с шишкой от щелбана посередине лба. Рядом находились зевающий Ефремыч, а также бритый полный мужчина лет тридцати на вид и его товарищ разбойного вида, в бандане с черепами, представившийся Бандитом, пара ровесников Дмитрия, сморщенный, как печеное яблоко, дед, задумчиво почесывающий длинную седую бороду, и два юнца лет пятнадцати, косящиеся из-за спин старших, но не решающиеся вылезти вперед. В углу на сложенном в несколько раз ковре сидел Бугай и чистил ружье шомполом с намотанной на него серой тряпкой.

– Доброго утречка, как спалось? Завтракать будешь, или опять Галочке скажешь, что ешь мало? – мужчина приветливо помахал рукой.

Дима кивнул собравшимся, чуть поклонился Галине. Она покраснела и отвернулась, захихикала в кулак.

– Галя, я не хотел Вас обидеть, честное слово! Ваша еда замечательная, гостеприимство не знает границ. Я бесконечно благодарен! – парень собрал остатки вежливости и пытался говорить как можно искреннее, стараясь дышать через раз, чтобы не чувствовать запаха похлебки на столе.

– Ну заливать-то, ишь, разболтался, интеллигент, – проворчал Бандит, сплевывая на пол.

– Нет уж, пусть продолжает, – кокетливо пропела Галочка, поправляя замызганный воротник некогда белой рубашки.

– От бабы, уши развесили, а ты на них присел. Кто такой-то, откуда на нашу голову свалился? – поинтересовался бритоголовый.

– Мне есть что рассказать. Если вам угодно... – тихо ответил Дима. Ему стало страшно. Но почему-то казалось важным поведать жуткую правду хоть кому-нибудь, пусть этим людям, незнакомым, практически враждебным. А дальше – будь что будет.

* * *

Вместо предыстории. 2033 и ранее.

Вместо игрушек – колбы и химические реактивы, вместо детских развлечений – дни напролет в лаборатории, под пристальным наблюдением Геннадия Львовича Вязникова.

Несколько лет назад тогда еще молодой ученый, лучший друг и первый помощник начальника бункера военных Андрея Рябушева заметил среди детей тихого мальчишку, который не играл в догонялки с шумными ребятами, а сидел в углу с книжкой, близоруко поднося ее прямо к глазам.

– Привет, – Гена присел рядом с ним на корточки. – Как тебя зовут?

– Дима, – ребенок поднял взгляд.

У него были правильные черты лица, светлые, умные глаза.

Жизнь в бункере едва-едва начала налаживаться. Прошло три года после Катастрофы, на поверхности еще не расплодились жуткие монстры, а молодой

ученый еще не получил своего страшного прозвища.

Занятый организацией лаборатории, постоянно думающий над вопросами выживания и своими научными идеями, Геннадий не обращал внимания на детей, они существовали для него фоном, есть и есть. Но этот мальчик отчего-то привлек его внимание.

Дмитрий остался без родителей, его мать погибла в день Катастрофы, а малышу чудом повезло оказаться в подземном убежище. Дитя бункера, общий – и в то же время ничей.

Одиноким брошенный мальчик потянулся к наставнику и сразу же начал показывать успехи. Лаборатория Геннадия Львовича превратилась для него в родной дом.

К шести годам Дима уже умел ставить простые химические опыты, без запинки выговаривал «пластохинон» и прекрасно представлял, чем именно занимается его наставник.

Тогда же гениальный ученый начал свой самый чудовищный и жестокий эксперимент. Он сломал ребенка, растворил в нем границы допустимого, стер понятия о добре и зле.

Единственным, от кого мальчик получал распоряжения, которые выполнял беспрекословно, был Доктор Менгеле. Остальные... Властью ученого всем жителям бункера было запрещено что-либо указывать или требовать от его ученика, Геннадий старательно культивировал в Диме вседозволенность и ощущение собственного величия.

Профессор Вязников прекрасно понимал, что делает, и постоянно подтверждал это на практике.

– На сегодня другой еды не предусмотрено, – сурово сказала Анна Николаевна, ответственная за воспитание детей. Остальные послушно уткнулись в тарелки и продолжали есть ненавистные грибы, и только Дима демонстративно оттолкнул от себя миску.

– Не буду.

– Тогда ты выйдешь из-за стола голодным.

– Нет, не выйду, – упрямо заявил мальчик, исподлобья глядя на воспитательницу. – Принесите что-то другое.

– А я сказала – выйдешь! – закипела женщина.

Дмитрий вывалил на пол содержимое тарелки, бесстрастно глядя ей прямо в глаза.

– Ах ты маленький наглец! – взвилась Анна. – Немедленно убери за собой! Как хочешь, хоть руками, хоть своей рубашкой! Живо!

Остальные дети смотрели на происходящее, затаив дыхание. Такого поведения не позволялось никому, за вываленный на пол обед незамедлительно следовало наказание.

– Уберите сами и принесите другую еду, – приказал Дима.

Это выглядело совершенно сюрреалистично: маленький мальчик, равнодушно-холодный, и раскрасневшаяся от гнева, почти бессильная воспитательница. Она прекрасно помнила приказ Доктора Менгеле о неприкосновенности этого мальчишки, но справиться с собой уже не могла, собственное раздражение и обида на юного нахала перевесили страх перед всесильным ученым.

– Паршивец! – прошипела Анна Николаевна и схватила маленького негодяя за ухо. Она дернула вниз, и Дима упал на колени, прямо в вываленную на пол похлебку.

Он поднялся, посмотрел зло и очень мстительно, отряхивая с мокрых штанов остатки грибов.

– Анна Николаевна, пройдите ко мне в кабинет, – раздался вкрадчивый голос, похожий на змеиное шипение.

Каждый из жителей бункера военных знал, что просьба Доктора Менгеле зайти к нему едва ли окончится чем-то хорошим. Так было даже в те годы, когда лаборатория ученого была еще совсем маленькой и там не ставили антигуманных экспериментов. Просто от Геннадия Львовича постоянно ждали плохого. Но вместе с тем – уважали, потому что всем было доподлинно известно, что именно его стараниями убежище не знало болезней, женщины не умирали в родах, под строгим надзором профессора Вязникова в достатке росли грибы и овощи.

Воспитательница вздрогнула, побледнела, но сразу же последовала за мужчиной. Дима сделал шаг, но его остановил негромкий приказ Геннадия:

– Ты останешься здесь, пока я тебя не позову.

Дима обиженно вскинул голову, но вернулся на свое место, подчинившись. Требования наставника не обсуждались.

Позволив ученику плевать на мнение окружающих его людей, учитель, тем не менее, сурово наказывал мальчика за неповиновение ему самому. Несколько раз хватило, чтобы понять: достаточно одного слова, приказ не повторяется дважды, за его неисполнение следует кара.

Несмотря на странные методы воспитания и подчас жестокие наказания, Дима боготворил наставника, внимал каждому сказанному слову. Он был готов сделать самые ужасные, самые отвратительные вещи, был готов покалечить себя самого, лишь бы Доктор Менгеле был доволен.

Геннадий Львович объяснял ученику, что приобщает его к величайшему знанию, которое дает абсолютную власть. В мире после Катастрофы умение сохранить человеческую жизнь дарило его обладателю статус практически божества, и в бункере военных это умение, а вместе с ним жестокие эксперименты и кастовая система возводились в культ. Юный разум Дмитрия воспринял эти идеи, впитал их, как губка, сделав из него самого верного соратника ученого. А незаурядный талант и огромное упорство помогли ему в этом.

В тот день Доктор Менгеле преподавал всем жителям убежища, и прежде всего своему воспитаннику, важный урок.

Анна Николаевна пропала на несколько дней и вернулась посеревшая, осунувшаяся. В большом зале она просила у Димы прощения публично.

Присутствовавший при этом полковник Рябушев, еще довольно молодой, не потерявший до конца свои идеалы, поглядывал недовольно, но Геннадий Львович что-то зашептал ему на ухо, и начальник бункера не вмешался.

На следующий день Дмитрий закрепил успех. В присутствии Анны Николаевны он вновь повторил свою отвратительную выходку и ухмылялся, ожидая реакции. Воспитательница поджала губы, но смолчала. Она принесла новую миску, уже с другой едой, неизвестно откуда взявшейся, и лично убрала с пола разлитый суп.

Очередной урок был преподнесен буквально на следующий день. Один из ребят, чуть старше Димы, попробовал повторить его «подвиг». Тотчас же он получил подзатыльник от Анны Николаевны и был выставлен из-за стола. В следующий раз ему разрешили поесть только спустя сутки.

Дети усвоили, что ученик Доктора Менгеле выше их всех, то же самое понял и Дима. В самом нежном возрасте, когда ребенок исследует границы допустимого, их у мальчика отняли, превратив его в чудовище.

В конце года, зимой, в лаборатории появилась Ася. Маленькая, худенькая девочка с огромными глазами, на год младше Димы. Откуда она и кто – учитель не сказал. Казалось, малышка была полным антиподом Дмитрия – непоседливая, говорливая. Ей было отчаянно скучно среди пробирок, рядом с молчаливым, сдержанным сверстником и раздражительным, постоянно недовольным ученым.

– Бестолочь! Ни ума, ни таланта! – кричал на нее Геннадий Львович, когда Ася в очередной раз не могла выполнить его задание.

Доктор Менгеле разрешил Диме унижать девочку, даже бить, каждый раз в ее присутствии показывая, что мальчик куда умнее и талантливее. А девочка тянулась к нему, как к старшему товарищу, лезла под руку, мешала, за что получала еще сильнее.

На фоне малышки наставник все чаще возводил ученика на пьедестал. Какое приятное чувство, и как сложно, раз ощутив сладкий вкус собственной

значимости и непогрешимости, опуститься до простых смертных!

Геннадий Львович приучил не задавать неудобных вопросов, поэтому, когда спустя три года уже подросшая Ася пропала, Дмитрий не спросил, куда она делась, и, пожалуй, с некоторым облегчением вычеркнул ее из своей жизни и забыл.

А дальше... Дима постоянно чему-то учился, бывало, он днями не выходил из лаборатории, переписывал начисто каллиграфическим почерком какие-то записи, помогал Доктору Менгеле в экспериментах.

Привилегированное положение и загадочное амплуа молодого ученого привлекало к нему массу внимания, и поэтому, когда Дмитрий из мальчишки превратился в симпатичного юношу, женским вниманием он не был обделен. Однако Геннадий Львович сумел со своим непререкаемым авторитетом убедить ученика, что ни одна из девушек не была ему ровней, поэтому прелести любовных отношений обошли парня стороной. Его истинной страстью была наука, огромный талант возрастал, почти фотографическая память и острый ум быстро сделали его правой рукой Доктора Менгеле.

Дмитрий почти интуитивно чувствовал, что именно и в каких пропорциях надо смешивать, чтобы получить тот или иной результат, порой ему удавалось то, что не мог сделать даже его учитель, и Геннадий Львович действительно высоко ценил успехи своего подопечного, был даже по-своему привязан к нему.

Когда сумасшедший ученый начал ставить жестокие опыты над людьми, Дима был уже настолько развращен и изувечен морально воспитанием профессора Вязникова, что воспринял это... как должное?

Даже полковнику Рябушеву, повидавшему многое на своем веку, казалось диким и страшным то, как равнодушно и бесстрастно юноша смотрит на чужие страдания, не слыша криков и не жалея никого.

– Это номера, не люди, у них нет личности. Пострадать во имя науки – почетно, а кто сказал, что великое дается легко? – повторял за Доктором Менгеле его ученик.

Потом... в бункере был настоящий переполох. Геннадий Львович и его ученик совершили великое открытие, запустив процесс реверсной мутации, вернув Марине Алексеевой человеческий облик. Это был настоящий прорыв – совершенно невозможное, фантастическое, эксперимент, достойный Нобелевской премии.

Но что-то пошло не так. Слишком уж много горя и отчаянья было в глазах женщины, которой они вернули разум. Соратница, советница – или все же монстр? Дима наблюдал за ней, но не мог понять, кто она такая. Она постоянно была во власти какого-то мучительного собственного горя и тяжелой памяти, чужая, подчас страшная в своем ледяном спокойствии. Привыкший ощущать себя выше других, рядом с Мариной он чувствовал себя мальчишкой, наивным юнцом, слова, которые говорила эта женщина, могли и ранить, и утешить. В ее присутствии чувство собственного превосходства куда-то растворялось, с Алексеевой нельзя было так же, как со всеми, и молодому ученому это решительно не нравилось.

Когда в убежище вновь появился Женя, мальчишка из бункера автоконструкторов, которого полковник и Доктор Менгеле отправили на смерть, в камеру к монстру, Марина будто очнулась, стеклянные глаза наполнились жизнью. Кем она считала этого мальчишку, едва не заповошедшего их важнейший эксперимент, погубившего ее ребенка? Неизвестно.

Дмитрий постоянно находился рядом, и, видя, какие перемены происходили с женщиной при одном упоминании о Жене, ощущал смутную тоску и тревогу, ощущение неправильности, фальши и дикости всего происходящего.

Молодой ученый закрылся в себе, раз за разом пытаюсь нащупать в сознании то мучительное, разрывающее чувство, от которого почему-то сердце билось быстрее и перехватывало дыхание, но не мог сам себе объяснить, что же было не так.

И в какой-то момент все рухнуло в прах...

Глава 4

Номер 314

Декабрь 2033

В коридоре хлопнула дверь, послышались легкие, торопливые шаги. Дмитрий выглянул из лаборатории, и на него едва не налетела Марина.

Она всхлипнула, отвернулась, закрывая руками лицо.

- Ты плачешь? - удивленно спросил молодой ученый, выходя из кабинета.

- Это сделал ты? - женщина повернулась, посмотрела ему в лицо. Он не смог выдержать ее взгляд и отвел глаза, пожалуй, впервые за многие годы испытал что-то похожее на стыд.

- Да, я. Мы тебя предупреждали, - ему почему-то показалось, что он оправдывается.

Марина продолжала смотреть на него. Ни гнева, ни злости, только горькое, бесконечное отчаянье.

- Зачем? - тихо выговорила она.

- Так было нужно, заключенный оказал сопротивление, я был вынужден... - начал Дмитрий, но Алексеева резко оборвала его.

- Прекрати мямлить! Вынужден, сопротивление, тьфу! Ты сделал это, потому что захотел, - в ее голосе прозвучало презрение.

- Я должен был... - отчего-то его уверенность в собственной правоте пошатнулась.

- Нет, Дима, - Марина смотрела на него с тоской, так смотрят на покойника в гробу, когда все слезы уже выплаканы и на смену им пришло смирение с неизбежной потерей. - Ты хотел это сделать. Ты знал, что убьешь его. Ты знал, что в шприце концентрат. Ты знал о результатах эксперимента, что все будет именно так. Ты сделал это, потому что мог и желал.

– Я... нет... не... – у юноши вдруг кончились слова и доводы. Каждое слово его собеседницы падало, как могильная плита.

– Послушай, – она вдруг смягчилась, коснулась его руки. – Ты погубил себя. Не Женьку, не тех, кто умолял о пощаде и милосердии. Каждая смерть – твой маленький шаг в пропасть, и ты уже летишь вниз, безвозвратно. Ты сам загнал себя туда, сам шагнул в бездну. Дима, ты не ученый, ты – палач, как Доктор Менгеле, как я. Мой путь почти завершен, твой – только начинается, и с чего ты начал его? С того, что перешагнул через чужую жизнь. Подумай о том, в какой момент дело выживания и служение науке превратилось в извращенное удовольствие власти над человеческими судьбами. Ты не бог, чтобы решать, кому жить, а кому умереть. Все твои открытия – это пир во время чумы, и грош им цена, когда на кон поставлена чужая жизнь. Подумай об этом. Я не верю в то, что после смерти что-то есть. Нет, смерть – это всего лишь смерть. Но я верю в то, что расплата неизбежна. И есть вещи пострашнее гибели – кому, как не тебе, это знать.

– Но я... – Диме стало жутко. В полумраке коридора лицо женщины искажали тени, казалось, потолок стал еще ниже, а привычные стены давили. Молодой ученый сделал шаг назад, ему хотелось бежать, спрятаться, лишь бы не слышать слов.

По щекам Алексеевой текли слезы, и отчего-то они задевали его, как никогда раньше. Сколько он слышал рыданий, сколько человек молили его, валялись в ногах, жалкие и униженные, но сегодня юноша впервые испытал раскаянье, и это чувство жгло его, мучило и тревожило.

– Вспомни тот день, когда ты перестал быть ученым и стал мясником, упиваясь своей властью, – повторила Марина.

– Я не такой! – крикнул Дима. Его накрыло волной истерики, затряслись руки.

– Ошибаешься. Ты именно такой. И оттого тебе сейчас так страшно, – спокойно сказала женщина, глядя ему в глаза.

Страшно. Как точно она высказала то, что было у него внутри. И становилось еще хуже. Юношу замутило, закружилась голова.

– Я могу помочь...

– Ты знаешь, что не можешь. Я говорила с Геннадием. Все кончено, нам остается верить в чудо. Я уйду, не мне учить тебя жизни. Человек умеет измучить себя сам так, как вам с Доктором Менгеле и не снилось, – бросила Марина через плечо.

Она еще раз коснулась его руки на прощание и заспешила по коридору. На тыльной стороне ладони остался влажный след, руки женщины были мокрыми от слез.

Дима вернулся в кабинет и захлопнул за собой дверь. Его трясло. В голове непрерывно звучал голос Алексеевой, он повторял одну и ту же страшную фразу: «Вспомни тот день, когда ты перестал быть ученым и стал мясником, упиваясь своей властью».

– Нет, нет, мы все делали правильно, так было нужно во благо выживших! Несколько человеческих жизней, положенных на алтарь науки! – бессильно оправдывался он, но уже не верил в возвышенные слова.

«Тебе дан уникальный шанс послужить на благо всем выжившим после Катастрофы. Пусть это больно, а кто сказал, что великие дела делаются легко?» Эту фразу Дима бросил человеку, который когда-то был его товарищем. Пусть не другом, но тем, с кем они сидели за одним столом, с кем смеялись над шутками и делили паек.

Что же было потом? Дмитрию казалось, земля уходит из-под ног. Он вдруг отчетливо осознал, что же он творил все эти годы.

Его тезка, тоже Дима. Его ведь можно было спасти... Когда он решился защитить Алену. Она ему нравилась, отвечала взаимностью. Красивая, чертовка.

Молодой ученый впервые испытал чувство, похожее на влюбленность. По крайней мере, как говорил Геннадий, усмехаясь, возникла химия.

Доктор Менгеле занимался селекцией людей. Скрещивал, как животных, зачастую насильно, не спрашивая их мнения, выводил, как он выражался,

«породу». Лучшие с лучшими. Свободное население – только с равными им по статусу. Подчинение и труд – основа хорошей жизни.

Алена была одной из лучших. Красавица, умница, она родилась уже в бункере и была воспитана под чутким руководством полковника Рябушева и его помощников.

Ее погубило то, что она умела думать. А мысли порождают желания и неповиновение. Слишком свободная, слишком сильная личность.

Дима вскочил и заметался по кабинету. Ему казалось, что Алена стоит в углу, как живая, смотрит с упреком.

Она влюбилась в Дмитрия – того, второго, он тоже испытывал к ней чувства, а вместе с ним – и ученик Доктора Менгеле. Проклятый любовный треугольник погубил троих, только сейчас юноше стало ясно, что он, живой физически, давно умер морально.

Когда ученик рассказал Геннадию о своих чувствах, тот дал добро на эти отношения, практически приказал Алене обратить на юношу внимание. И тогда случилось страшное – девушка впервые воспротивилась приказу.

Дмитрий сел на пол в углу и закрыл голову руками. Его трясло, как в ознобе. Он вспоминал, как конвой уводил девушку в камеру, она даже не кричала, знала, что все кончено.

Ее возлюбленный бросился на солдат с кулаками, зная, чем ему это грозит. Этот бесстрашный порыв больше напоминал сумасшествие. Парня скрутили и заперли в карцер, он еще несколько часов выкрикивал угрозы, потом сдался и начал умолять. Нет, он просил не за себя, за Аленку, просил наказать его вместо нее.

Диме тогда показалось диким просить о таком добровольно. Его чувства, хоть и по-юношески пылкие, резко ограничивались разумом.

Алену перевели в лабораторию спустя трое суток. Геннадий с усмешкой предложил Диме заняться заключенной самостоятельно. Тогда юноша расценил это как некий жест признания от своего учителя. Теперь же ему отчетливо стало

ясно, что Доктор Менгеле поступил с ним в лучших традициях фашистских пропагандистов – дал ему возможность переступить черту человечности. После такого не возвращаются. Таким не подают руки. Марина была права – он летел в пропасть, куда шагнул сам, добровольно, считая себя вершителем судеб.

Алена не просила о милосердии. Она была слишком гордой, трое суток в камере ее не сломали. В глазах девушки было такое презрение и отвращение, что молодому ученому захотелось растоптать ее, заставить встать на колени, умолять.

«Эта дрянь отказала мне! Мне, лучшему из молодых, помощнику Доктора Менгеле, ученому! Я работаю на благо выживших, не сплю ночами, девчонки сами готовы прыгнуть ко мне в кровать, а она смеет воротить нос!» – раздраженно думал Дмитрий, распаясь еще больше, уверенный в собственной правоте и непогрешимости. Убежденный в своей избранности, он не желал признать поражения и сделать шаг назад.

Ярость застилала ему глаза. Если бы Алена просила помиловать, плакала, возможно, юноша не сделал бы того, за что теперь ему было мучительно стыдно.

Он избил ее, зажал в углу и разорвал на ней рубашку.

Через некоторое время он вышел из камеры, испачканный в ее крови, с расцарапанной щекой – несчастная сопротивлялась. Алена затихла в углу, но не плакала. Она будто окаменела, насилие человека, когда-то бывшего другом, надломило в ней что-то потаенное, сокровенно-женственное.

Через три дня она сошла с ума, не выдержав экспериментов, и умерла в камере. Дима видел ее труп, безумный взгляд, устремленный в потолок. Он не испытывал ничего – ни жалости, ни сострадания. Алена была для него отработанным материалом, очередным «номером». Она отказалась подчиниться и поплатилась за это. Послушание – основа счастливой жизни, белый лозунг на стене красного зала каленым железом выжжен в сознании. Наказание за неповиновение – смерть.

Дмитрий задрожал, забившись в угол. Ему казалось, он видит лицо девушки – там же, в углу, полное презрения и ненависти. Она молчит, сжав зубы, сопротивляется яростно и жестоко, но он сильнее. И в какой-то момент она

затихает, опустошенная, а его переполняет злая ярость и ощущение власти.

– Господи, что же я натворил... – выговорил юноша, и его голос в тишине кабинета прозвучал жалко.

Дмитрий, его тезка, до сих пор был жив. Молодой ученый видел его только сегодня, когда полковник заставил его рассказать Жене, как и за что его наказали и сослали в серый зал.

Тогда юноша в который раз подумал, что Рябушев слишком мягко обошелся с ослушником, а сейчас ему хотелось броситься туда, упасть на колени и просить прощения.

Дмитрия наказывали в камере несколько дней, и юноша не видел его. Доктор Менгеле вызвал своего ученика, когда бывшему товарищу выносили приговор.

Молодой ученый с трудом узнал его. Посеревшее безжизненное лицо, потухшие глаза.

– В лабораторию? – равнодушно поинтересовался полковник, присутствующий тут же. Геннадий кивнул. Как просто решалась человеческая судьба!

Несчастный упал на колени.

– Умоляю вас! Помилуйте, помилуйте! – застонал он.

Его тезка посмотрел на него с брезгливостью. В отличие от Аленки, которая выбрала гордую смерть, этот был жалок.

Доктор Менгеле прищурился через очки, стал похож на притаившуюся змею.

– Пусть ученик решает, что с ним делать, это, в конце концов, был его спор, – бросил он, кивая юноше.

– В лабораторию, однозначно. Он нарушил дисциплину, ослушался приказа, – без сомнений вынес приговор молодой ученый.

– Пожалуйста, не надо! Простите, умоляю, никогда больше, никогда... – заключенный заплакал, размазывая по лицу слезы и кровь, поднял умоляющий взгляд на полковника. Он был избит, на лице практически не было живого места.

– Все вопросы к товарищу Холодову, – пожал плечами Андрей Сергеевич, отворачиваясь. По нему было видно, что это дело тяготило начальника бункера военных. Дмитрий был неплохим человеком, никогда не был замечен в диверсионных мыслях, и, пожалуй, Рябушев даже жалел, что так получилось. Однако дисциплина есть дисциплина, проявишь слабость один раз – потеряешь авторитет, а это уже чревато бунтом.

– Пожалуйста, прошу милосердия, мы же были друзьями! – в бессильном отчаянии выкрикнул товарищ. Он стоял на коленях и рыдал, а ученику доктора Менгеле было противно. Слизняк и жалкий червь.

– Какой ты мне друг, – неприязненно фыркнул ученый. Он искренне верил в то, что слабые люди недостойны сидеть с ним за одним столом. Доктор Менгеле был не только гениальным биологом, но и неплохим психологом. Он разворотил и искалечил душу своего ученика, окончательно стерев в ней границы добра и зла.

– Довольно, – Рябушев нетерпеливо дернул подбородком. – Этого – в серый зал, в конце концов, он проявил благородство и доблесть, встав на защиту девушки. За это следовало бы наградить, поэтому лаборатория подождет. До первого проступка. Все свободны.

Конвой увел Дмитрия вниз, заключенный брел, как в тумане, оступаясь, ноги его не держали. Только что ему даровали жизнь.

Холодов недовольно скривился, но возразить полковнику не решился. Пусть так. Один просчет – и он поквитается с соперником. Но Рябушев становится сентиментальным, слишком мягким, проявляет слабость. Молодой ученый взял это на заметку. Исподволь он метил на место начальника бункера и был уверен, что рано или поздно оно ему достанется.

Молодой ученый застонал, уткнувшись носом в холодную стену. Осознание и внезапное прозрение будто окатили его ледяной водой, и ему было худо. Совесть вгрызалась когтями, терзала, и юноша не понимал, куда идти дальше,

как жить с этим грузом понимания.

Дверь кабинета резко открылась, в полумраке на пол легла черная тень, и Дима вскрикнул от неожиданности. На пороге стоял Доктор Менгеле.

- Что это с тобой? - спросил он, хмурясь.

Ученик затравленно взглянул на него из угла.

- У...ушибся, споткнулся в темноте, - наконец, выдавил он, поднимаясь.

- Под ноги смотреть надо, - бросил Геннадий. - Нормально все?

- Да, да. Я в порядке, - юноша поправил рубашку, выдохнул. Ему не хватало воздуха, сердце колотилось, как бешеное.

Он смотрел на своего учителя другими глазами. Палач, сумасшедший фанатик, убийца невинных. Не ученый - мясник, как сказала Алексеева. И это было страшной правдой.

- Осмотри Женю, он только что бросился на Марину, ударил ее головой об пол. Она у Андрея, я туда. Разберись, - приказал Доктор Менгеле, выходя из кабинета.

- Да, - покорно ответил юноша, направляясь за ним. Он набрал из ампулы на столе в шприц сильнодействующее снотворное, положил в карман.

- Не переводи препараты, - одернул его учитель, снова появившийся на пороге. - Введи экспериментальный.

- Так нельзя... Вы обещали Марине, - тихо сказал Дима, сжимая пальцы в кармане рубашки.

- Что? - Геннадий раздраженно поднял брови. - Это приказ!

– Нет... – шепотом проговорил ученик. Его замутило от страха. Первый раз в жизни он осмелился возразить своему наставнику.

– Что ты сказал? – Доктор Менгеле сделал шаг к нему, недобро сощурился.

– Нет. Вы обещали Марине, что не станете этого делать, – Дмитрий отшатнулся, уперся спиной в стол, едва не снеся стойку с пробирками.

– Я отдал тебе приказ. Исполнять! – рявкнул Геннадий. – Или ты хочешь в карцер, к Женечке, раз тебе его так жалко?!

Дима чувствовал, как леденеет спина и вспыхивают огнем щеки. Ему хотелось стать невидимым, учитель пугал его до дрожи в коленях. Юноша молчал, стискивая зубы, судорожно вдыхал воздух. Совесть больно уколола его, заставляя отказать, но все его естество желало согласиться, лишь бы это кончилось.

– Что ты молчишь? Ты понял меня? Исполнять! – зло повторил Доктор Менгеле.

– Есть... – бессильно выдохнул Дмитрий, набирая из пробирки второй шприц.

– Вот и умничка, – криво ухмыльнулся Геннадий. – Ступай.

Юноша шел по коридору, как в тумане, и сам не понял, как оказался перед дверью камеры.

– Что там? – спросил он у охранника.

– Заключение бросился на Марину Александровну, потом завывал и рычал, сейчас, вроде, затих, – ответил тот.

Ученый приоткрыл смотровое окошко в двери. Женя стоял на полу на четвереньках, раскачиваясь из стороны в сторону. Дима окликнул его по имени.

Пленник поднял голову. Его глаза казались алыми от крови из лопнувших капилляров, лицо искажала гримаса. Он вскрикнул, попытался приподняться, но завалился на бок и конвульсивно задергался, застонал.

Дмитрий сделал шаг назад, закрыл глаза.

«Что мы натворили? Зачем, за что? Я знал, что будет так. Это я сделал с ним такое. Почему, почему? Женя, прости меня...» – ему хотелось плакать.

Юноша достал из кармана рубашки два шприца, держал их на раскрытой ладони, размышляя.

Первый – снотворное. Один укол – и несчастный погрузится в сон, хотя бы на какое-то время избавится от боли. Это единственное милосердие, которое ему можно оказать. Кроме...

Дима не мог заставить себя сказать «смерть», даже мысленно. Уже не мог.

Второй шприц, полный темно-коричневой жидкости, гипнотизировал его, притягивал взгляд. Экспериментальный препарат из спор грибов. Пятнадцать минут эйфории, затем – агрессия и мучительное угасание, до следующей дозы, каждая из них – шаг навстречу гибели. Молодой ученый не знал в точности, что испытывает его пленник, но даже от предположения становилось жутко. Острый токсический гепатит, повышенная возбудимость нервных окончаний, если сейчас коснуться его пальцем, несчастный испытает боль, как от удара. Если ударить – может погибнуть от болевого шока.

«Что же мне делать, что делать?» – мысленно спрашивал сам себя Дима и не находил ответа. Он знал, что от взгляда его учителя нельзя утаить ничего. Что будет с ним заслушание? Доктор Менгеле слишком умен, он догадается о крамольных мыслях своего ученика и расправится с ним очень жестоко, так, что быстрая казнь покажется милосердным избавлением. Но сделать то, что было приказано, не хватало сил.

– Вы в порядке? Какие будут распоряжения? – голос часового выдернул его из мучительной череды мыслей.

– А, что? Я в порядке. Открывайте, заключенного держать на прицеле, но не стрелять без команды. Если бросится, помогите мне, силу применять только в крайнем случае, – Дмитрий тяжело вздохнул и сунул второй шприц в карман.

Женя скорчился на полу и тихо выл от боли. Его тело будто окаменело в неудобной позе, колени были подтянуты к животу, голова запрокинута. Каждая мышца была напряжена до предела.

Молодой ученый опустился рядом с ним на пол, коснулся пылающего лба. Пленник дернулся и взвизгнул, и у юноши больше не осталось сомнений.

- Тише, тише, сейчас, - торопливо зашептал он.

Через несколько минут несчастный погрузился в сон.

- Можете уносить, - кивнул Дмитрий часовому. Потом обратился к Жене - тихо, зная, что не будет услышан: - Это все, что я могу сделать для тебя. Прости меня.

Ученый вышел из камеры и не глядя побрел по коридору, стискивая в кармане полный шприц с экспериментальным препаратом.

Ноги казались ватными, в висках гулко стучала кровь, рубашка неприятно липла к взмокшей спине.

Юноша дошел до кабинета, открыл дверь в маленькую каморку, служившую ему спальней, и без сил рухнул на кровать.

Ему хотелось поговорить хоть с кем-нибудь, но с кем? Сейчас ученый с внезапной ясностью осознал, что у него нет друзей, которые поймут и не осудят. Стоит ему высказать хотя бы одну мысль из тех, что раскаленными углями ворочались в голове, на него мгновенно донесут.

Заклученные и подопытные считают его врагом. Так и есть, кто он, как не изверг и мучитель?

Женя умирает в карцере, Марина спит после нервного потрясения. Куда бежать, с кем посоветоваться, как облегчить измученную сомнениями душу?

Диме было жутко, его трясло. За двадцать два года у него не было ни единой родной души. Он всегда с презрением относился ко всем, кто ниже него, а таковыми были все, кроме Рябушева и Доктора Менгеле. А для своего учителя

ученик стал предателем, и расплата не заставит себя ждать.

Дмитрий поднялся, пошатываясь и хватаясь за стену, и направился в одну из камер, закрытых тяжелой дверью с решеткой.

Пленник вздрогнул, потревоженный светом, и проснулся.

– Нет, пожалуйста, не надо... – в ужасе прошептал он, пытаясь забиться в угол.

Юноша захлопнул за собой дверь и сел на пол рядом.

– Я пришел с миром. Выслушай меня, – почти жалобно попросил он.

На него смотрели испуганные, полные муки глаза.

– Я пришел каяться... – тихо сказал Дмитрий. – Я осознал. Прости меня. Знаю, что не простишь, не сможешь, но все равно прошу.

Подопытный облизал потрескавшиеся губы, и ученый протянул ему флягу с водой. Несчастный жадно пил.

– Как тебя зовут?

– Номер сто двадцать два, – выговорил мужчина незамедлительно. Сколько раз он повторял это, зная, что секундная задержка грозит ему новой болью.

Дима вздрогнул, стиснул кулаки, впившись ногтями в ладони. Несколько дней назад он приказал оставить пленника без еды за то, что тот, измученный очередным экспериментом, не сумел повернуться к нему лицом, когда ему было приказано. Сейчас сознание юноши затопил липкий ужас, он не мог поверить, что еще вчера для него это были не люди, а номера, подопытные.

– Не надо. Как твое имя?

Несчастный дернулся, съежился, желая казаться незаметным, но взгляда не отвел, смотрел в лицо учителю, ожидая разрешения.

– У меня нет имени, – наконец выговорил он. – Меня зовут номер сто двадцать два.

– Господи, что же мы все наделали! – вскрикнул Дима, и из его глаз брызнули отчаянные слезы. – Нет, нет! У тебя есть имя, ты – человек! Почему я раньше этого не понимал?!

Подопытный молча смотрел на него, отупевший и безразличный. Молодой ученый плакал, стоя на коленях перед тем, кого он сам измучил, и умолял простить его. Дмитрий не заметил, как дверь за его спиной открылась, и обернулся лишь тогда, когда лицо пленника на мгновение перекошилось страхом.

Доктор Менгеле равнодушно скользнул взглядом по камере и в упор посмотрел на своего ученика. Его лицо, холодное и злое, исказилось гневом.

– За мной, – коротко приказал он, но Дима не двинулся с места. – Или сразу останешься здесь? Я сказал, за мной!

Молодой ученый поднялся и поплелся за Геннадием. Ему казалось – так осужденные на смерть поднимаются на эшафот. Все было кончено...

Учитель пропустил юношу в кабинет, закрыл дверь на замок и кивнул на стул в углу. Дмитрий присел на край жесткого сиденья и замер, глядя в пол.

Геннадий остановился рядом с ним, спокойный, и от этого еще более страшный.

– Ты не выполнил то, что я приказывал, – зловеще сказал он.

– Да, – тихо подтвердил ученик и вытащил из кармана полный шприц.

– И почему же? – под низким потолком, казалось, сгустилась черная туча.

Дима поднял глаза, встретился взглядом с Доктором Менгеле. В горле застыл комок, желудок скрутил спазм.

– Потому что вы не имели права отдавать преступный приказ, – наконец выговорил он и сжался на стуле, ожидая удара.

Геннадий Львович удивленно поднял брови, ответ юноши на мгновение шокировал его.

– Что ты сказал? Преступный... приказ? – отдельно выговорил он.

– Да! Вы преступник и палач, и я вместе с вами! И я отказываюсь отныне принимать участие в ваших экспериментах, они бесчеловечны! – крикнул Дмитрий с невесть откуда взявшимся бесстрашием, больше похожим на помешательство.

– Что? – еще тише повторил Доктор Менгеле, и юноше показалось, что в кабинете закончился воздух.

Молодому ученому было настолько страшно, что внутри все будто окаменело.

– Повтори, что ты сказал, паршивец! – рявкнул Геннадий, выходя из себя.

– Вы – убийца! Мы мучили людей не из любви к науке, а из осознания собственной власти и превосходства! Мы – фашисты, Геннадий Львович, и вы – самый страшный из нас! Я отказываюсь участвовать в ваших экспериментах, отказываюсь! – крикнул Дмитрий. Его накрыла истерика. По лицу снова потекли отчаянные, горячие слезы.

Доктор Менгеле цепко схватил его за подбородок и заставил смотреть в глаза.

– Послушай меня, маленький мерзавец! – проговорил он, едва сдерживаясь, с побелевшими от ярости губами. – Ты все равно будешь участвовать в экспериментах, но в каком качестве – зависит от тебя. Проси прощения, и я спишу твою выходку на буйное помешательство, решу, что ты заболел. Будешь упорствовать – ты знаешь, что тебя ждет. Проси прощения!

Дима трясся, будто в ознобе, всхлипывал, но внутри у него росла и крепла уверенность, которая могла бы стать готовностью к жертве.

- Нет... - едва слышно выговорил он, давась рыданиями.

Геннадий ударил его по лицу, потом еще и еще.

- Паршивец! Диверсию задумал? - рычал Доктор Менгеле, сопровождая каждую фразу звонкой пощечиной. - Сколько сил в тебя вложено, а ты вот как? Проси прощения, дрянь!

- Нет! - Дима попытался закрыть лицо руками.

- Не смей! В глаза смотри, подлец, кто тебя надоумил? - учитель наотмашь ударил его по тыльной стороне ладони, потом снова по щеке.

Геннадий толкнул ученика на пол и избивал ногами, беспомощного, жалкого.

- Знаю кто, Алексеева, будь проклята эта дура, больше некому! Говорил я Андрею - на цепь ее и в камеру, нет же, помощница, разумный человек, как же! Что она тебе наплела? Отвечай! - кричал он, брызгая слюной. Его глаза были совсем дикими.

Дмитрию было жутко. Он видел своего учителя таким не раз, когда кто-то отказывался исполнять его приказы, но всегда был по другую сторону баррикад, рядом с ним, как соратник. Теперь он стал врагом.

Юноша будто увидел себя со стороны - как он сам, с перекошенным от злобы лицом, мог ударить того, кто осмелился ему возразить. Бил, потому что мог, считал, что имел на это право. Теперь он сам стал жертвой, и в искаженном, полном жестокости лице Доктора Менгеле он узнавал себя. И от этого становилось еще хуже.

- Почему?! Зачем вы сделали из меня чудовище?! Почему?! - выкрикнул он, выплескивая наружу боль и раскаянье.

Геннадий на мгновение замер, сделал шаг назад, сверху вниз глядя на своего ученика.

– Я сделал? Ошибаешься, мальчишка, ты сам стал таким, добровольно, – прошипел он.

– Я выполнял ваши приказы! Всегда, безоговорочно! Зачем вы сделали это со мной?

Доктор Менгеле сощурился, опустил на корточки рядом с ним.

– Сколько времени я потратил на тебя, маленький ты мерзавец... – разочарованно протянул он. – Сколько раз объяснял тебе, что мы трудимся на благо выживания. В нашем деле нет места жалости и бабским соплям, и вот, когда я научил тебя всему, что знал сам, возвысил тебя до небес, над всеми жителями бункера, ты бросаешься упреками. Знаешь, мне обидно, что мой лучший ученик, практически научный гений, стал мне врагом, решил ослушаться. Слишком много ресурсов вложено в тебя. Но ты будешь жестоко наказан, если я не услышу слов раскаянья и просьбы о помиловании. Мне будет жаль не тебя, а лишь своих сил, хотя, признаюсь, я разочарован и даже несколько огорчен тем, что мне предстоит искать нового человека, который вряд ли будет так талантлив, как ты. Но уясни для себя, щенок: я сделаю так, чтобы ты умолял о смерти, но ты будешь жив еще очень долго. Проси прощения сейчас, и мы забудем об этом.

В голосе ученого сквозило разочарование, смешанное со злостью. Не стоило рассчитывать на милосердие.

Дмитрий закрыл глаза, не желая видеть и слышать. Здравый смысл подсказывал ему, что сейчас нужно встать на колени и признать свою ошибку, и все будет так, как раньше. Но что-то внутри противилось этому, не давая сказать нужных слов. Перед глазами стояли изувеченные фигуры его подопытных. Юноше казалось, они рядом, поддерживают его, и становилось легче не отступить, не отказаться от внезапно открывшейся истины, окончательно переступив черту.

– Не хочу. Простите за то, что предал вас, учитель, но то, что мы натворили, – за гранью разумного. Это не наука, не выживание, это сумасшествие и дикость. Делайте, что хотите, но я больше не с вами, – тихо сказал Дима и сжался, ожидая удара.

Доктор Менгеле брезгливо ткнул его носком сапога.

– Вставай. Я даю тебе ночь на раздумья, спать ты сегодня не будешь. Посидишь в карцере, подумаешь, что можешь потерять. Захочешь вернуться – я дам тебе успокоительного, ты выспишься, и мы забудем это недоразумение. Откажешься – пеняй на себя.

Из-за двери появился конвоир, Геннадий тихо отдал ему приказ, и Дмитрия увели. Перед его глазами все плыло, на лице наливались кровью синяки. Страх не ушел, но прежнее отчаянье становилось уверенностью и готовностью искупить свою вину страданиями, пройти очищение болью и погибнуть как мученик. Юноша уже считал себя приговоренным к смерти, а внутри росла решимость идти до конца.

Солдат втолкнул его в карцер, бросил рядом серую рубашку заключенного с нашитой белой полоской-номером.

– Триста четырнадцать... – одними губами выговорил Дмитрий.

Он знал, что нужно делать. Кому, как не ему, были лучше всего известны порядки, которые он сам так требовал соблюдать от несчастных пленников его и Доктора Менгеле?

Юноша стянул с себя рубашку, расстегнул ремень. Ему вдруг стало до слез жаль отдавать пряжку в виде руки скелета, хулиганскую штуку, которую он случайно нашел на поверхности в одну из первых экспедиций, и больше с ней не расставался. Но если спрятать – отберут силой, и снова будет больно...

Дима осторожно погладил пряжку пальцем и бросил ремень на пол. Это конец. Ему показалось, что этим жестом он лишил сам себя последней надежды на спасение. Всеобщее почтение, основанное на страхе, хорошая еда и чистая постель остались в прошлом, за дверью его тюрьмы, а ему – серая форма заключенного с нашитым номером, холодные бетонные стены крохотной каморки и бесконечная пытка до конца его недолгой жизни.

– Встать! Номер! – гаркнул солдат, заглядывая в карцер.

Молодой ученый тоскливо взглянул на него, но не нашел в глазах тюремщика сострадания. А ведь когда-то они были приятелями. Когда-то. Еще вчера.

– Номер триста четырнадцать, – четко выговорил Дмитрий. Ему нужно было время, чтобы подумать о своем положении. Он мог получить передышку, только безоговорочно выполняя команды часового. Возможно, тогда его оставят в покое.

Солдат забрал его одежду и захлопнул дверь. Юноша остался один в темноте и тишине, привалился к стене, покачиваясь на волнах боли.

Нужно было решить, что делать дальше. Хотя, впрочем, какой в этом смысл? Где-то в глубине души Дима принял решение еще утром, когда встретился с Мариной в коридоре.

Один. Совершенно один, для всех чужой. На жителей бункера он всегда смотрел свысока, не считая их равными себе. И теперь, когда он упал с пьедестала, они с радостью плюнут в него и растопчут.

Остальные... О, они будут мстить. Человеческого сострадания в них уже не осталось, каждый сам за себя, этого так старательно добивался Доктор Менгеле, а вместе с ним – его ученик. Разделяй и властвуй. И с этой задачей они прекрасно справились. Эти люди порвут своего мучителя голыми руками, если Геннадий Львович решит оставить его с ними наедине. Но глупо было бы рассчитывать на такую простую смерть.

Те, кто остался в лабораториях, слишком слабы и измучены для мести, но и они не подадут руки бывшему ученику сумасшедшего ученого.

Один. Дом становится тюрьмой, родной и знакомый мир вдруг оказывается враждебным и чужим.

Диме было горько в одно мгновение оказаться на оборотной стороне жизни, из палачей – в заключенные. Падать было больно, слишком больно. А о том, что будет дальше, даже не хочется думать, но все равно думается.

Юноша задавал себе один и тот же бесконечный вопрос: почему он столько лет жил, не задумываясь о том, что делает, и в один момент решил перечеркнуть все? Ответа не было.

Измученный этими мыслями, опальный ученый провалился в тревожный сон.

– Встать! – резкий окрик выдернул его из спасительного омуты забытья, возвращая в полный кошмаров реальный мир. В лицо светил фонарь, до рези ослепляя привыкшие к темноте глаза.

Дмитрий неловко поднялся, хватаясь за стену.

– Номер триста четырнадцать, – заплетающимся языком выговорил он.

Дверь карцера снова захлопнулась, оставляя его наедине со своими тяжелыми мыслями.

Не спать, только не спать.

Доктор Менгеле дал своему ученику то, от чего было сложно отказаться. Власть, силу. Капля за каплей, шаг за шагом он размывал моральные рамки, стирал границы добра и зла в сознании молодого человека.

Амбиции, честолюбие, похвала – все это было так приятно... Возвышаться над всеми. Личный помощник, правая рука великого ученого – звучит заманчиво, даже слишком.

Дмитрий и сам не заметил, как принял для себя то, что нормальный человек не может и не должен принимать. Перестал считать людей людьми. Номера, подопытные, живой биоматериал, но не люди. Во имя науки и выживания. Нет. Во имя честолюбия, бесконечной жестокости и права силы.

– Встать!

Юноша не заметил, как снова уснул. Внезапное пробуждение отдалось ноющей болью в затылке, желудок снова скрутило тошнотой.

– Номер... номер триста четырнадцать... – заикаясь, выговорил заключенный, с трудом поднявшись с пола.

– Не смей спать! – рявкнул часовой и снова исчез за дверью.

– Пожалуйста, пусть это кончится... – зашептал Дима, обнимая руками колени. – Пусть это кончится...

Ему, привыкшему к комфорту, который обеспечивали несколько десятков жителей серого зала, приходилось тяжело. Никогда не знавший ни боли, ни унижений, юноша мучительно переживал то, что происходило с ним сейчас.

– Это искупление, расплата за мои преступления, – бормотал он, мучительно справляясь со сном. Ему хотелось забыться. Нет, нет. Нельзя.

Больше всего на свете он мечтал, чтобы все это оказалось просто дурным сном. Надо всего лишь попросить прощения и признать свою вину – и Доктор Менгеле снова примет его под свою опеку. Не будет боли, мучительных пробуждений от света фонаря, он снова станет Дмитрием Холодовым, личным помощником Геннадия Львовича, а не безликим номером.

«Быстро же ты сдался, – шептала совесть, в темноте и тишине практически живая и осязаемая. – Вспомни Алену, что ты сделал с ней? Разве ради науки ты изнасиловал ее и зверски замучил в лаборатории, так, что она лишилась рассудка? Разве ради науки ты проводил опыты на живых людях, зная, как они страдают? Не лги себе – то, что ты здесь, это покаяние, плата за черные дела. Прими ее и крепись, не отступай, не сдавайся. Ты сделал выбор, и он правильный. Так нужно, осознание спасет твою душу. Будь сильным!»

Узник метался в полусне, не находя себе места, его разрывало между презрением и жалостью к себе. Он заслужил все, что с ним происходило, но как же было страшно и больно!

– Встать!

Дима замешкался, не в силах вырваться из сонного плена, и тотчас получил удар под ребра. У него потемнело в глазах, дыхание перехватило.

– За что? – простонал он, пытаясь подняться.

– Встать! Не разговаривать! Номер! – жестко потребовал часовой. Уже другой. Значит, в бункере уже побудка для серого зала, пять утра.

- Триста четырнадцать... - едва слышно выговорил юноша.

- Не слышу! Номер! - рявкнул солдат, сопровождая свои слова ударом по лицу.

Заклученный вскрикнул, заслоняясь руками.

- Номер триста четырнадцать! - громче ответил он.

Дмитрию наконец удалось поднять голову, он взглянул на часового и узнал Влада.

С легкой руки кого-то образованного парня прозвали Дракулой. Он был на хорошем счету у Рябушева, не останавливался ни перед чем, верный пес полковника. Когда-то у них с молодым ученым шла долгая борьба за лидерство, они терпеть не могли друг друга. Солдат, привычный к вылазкам на поверхность, безупречно владеющий практически любым видом оружия, какое только было в бункере, не выносил Дмитрия, считая его слабаком и белоручкой, за глаза называя лабораторной крысой. Холодов не оставался в долгу, прилепив кличку «дуболом» своему сопернику, солдафону и неучу. До открытой конфронтации у них не дошло, они находились в равном положении и могли только подраться, чтобы решить вопрос силой.

И вот теперь все решилось само собой. Дима со стоном сделал шаг назад и уперся спиной в холодную стену. Внутри поселилась паника, скручивая кишки в тугую жгут и заставляя сердце колотиться, как бешеное. Это все происки Доктора Менгеле. Он только делал вид, что не знал о соперничестве Дракулы и его ученика, и теперь, когда юноша осмелился на неповиновение, ученый с радостью отдал его на растерзание заклятому врагу.

«Мне конец...» - в ужасе думал узник, тщетно пытаясь вспомнить хоть одну молитву. Его могли спасти только высшие силы, больше никто не придет на помощь.

Влад криво ухмыльнулся, глядя на перепуганного соперника, в его глазах читалась угроза...

- Сесть! - приказал он.

Дмитрий опустился на пол, снизу вверх глядя на часового.

- Встать! Номер! – гаркнул Дракула, его лицо выражало неприкрытый садизм и удовлетворение.

- Номер триста четырнадцать... – бессильно прошептал Дима.

- Сесть! Встать! Сесть! Встать!

За каждое мгновение промедления – удар по лицу или под ребра.

Спустя десять минут мучительного унижения закололо в груди, в голове шумела кровь, дыхания не хватало. Юноша мечтал лишь о передышке и глотке воды.

«Только не просить пощады. Ему надоест, он уйдет, только не просить!» – уговаривал сам себя несчастный.

Спустя несколько минут ноги совсем перестали его слушаться. Юноша рухнул на пол и не смог подняться, судорожно вдыхая и выдыхая.

- Встать! – приказал Дракула, пиная его под дых.

Дмитрий скорчился на полу, хватая воздух. В глазах чернело, мир расплывался пятнами.

- Пожалуйста... хватит, пожалуйста... – умолял он, не видя и не слыша ничего вокруг.

- Я сказал – встать!

«Будь он на моем месте, я поступил бы точно так же!» В глазах прояснилось. Мучитель навис над ним, готовый ударить.

- Прошу тебя... – юноша всхлипнул.

– Я бы тебя добил, – презрительно бросил Влад. – Только Геннадий Львович приказал тебя не калечить. Пока что.

Это «пока что» прозвучало зловеще. Дракула плюнул в лицо лежащему на полу сопернику, но Дима не осмелился поднять руку и утереться, только молча смотрел снизу вверх.

– Что приказал Геннадий? – он, наконец, собрал остатки мужества и решился спросить.

– Не твоего ума дело, – раздраженно ответил парень. – Предателям слова не давали.

– Влад, пожалуйста! – в глазах узника была мольба.

– Вставай, придурок. Сам сейчас все узнаешь, – отмахнулся часовой.

Он вывел Диму в коридор. Практически все останавливались и смотрели на него, но ни в одном лице юноша не увидел сочувствия, лишь злорадство и безразличие.

Стыд и неловкость смешивались с ощущением непоправимой потери и отвращением к себе.

Доктор Менгеле ожидал его в кабинете, как всегда, взъерошенный и недовольный. Он жестом велел конвоиру выйти и указал бывшему ученику на стул.

Юноша сел, справляясь с головокружением, мечтая лишь о глотке воды и передышке. Учитель внимательно взглянул на него и протянул стакан. Дима залпом осушил его и замер, ожидая, пока Геннадий заговорит.

– Видишь, я не враг. Мое расположение вполне искренне, я даже по-своему привязался к тебе. И даже готов в нарушение всех уставов простить тебе предательство. Как прошла ночь? – почти участливо спросил ученый.

– Лучше некуда, – процедил Дима. Он боялся показать слабость, но учитель слишком хорошо знал его, чтобы не понять, что творится внутри у его подопечного.

– Надеюсь, тебе удалось хорошо подумать. Твой ответ?

– Я вчера все сказал, – тихо выговорил юноша, боясь, что голос подведет его.

– Ты плохо подумал, – недовольно бросил Геннадий. – Тебе никто не поможет, никто даже не заговорит с тобой. Ты вместе со мной проводил эксперимент – что случается с людьми, когда их надолго помещают в одиночную камеру без возможности слышать человеческую речь? Ты помнишь их?

– Слишком хорошо помню, – Дима передернулся, перед внутренним взором встали безумные лица несчастных. – Поэтому я больше не с вами.

– Зря, – по-змеиному прошипел Доктор Менгеле. – Ты знаешь, что я могу с тобой сделать.

– Знаю. Я готов.

Внутри разрасталась и крепла уверенность, сменяя страх. Будет больно. Пусть будет. Пережить первые несколько дней пыток, не сдаться, а потом Вязников и сам не простит отступника, ему быстро надоест жалкое подобие человека, и тогда придет смерть и покой.

Дмитрию было жутко от этих мыслей, но вместе с тем, они успокаивали.

– Готов? Ты слишком самоуверен, щенок. Я заставлю тебя просить прощения, но уже не прощу. Ты меня разозлил. Руки! – прорычал ученый.

Юноша покорно вытянул руки вперед, ладонями вверх. Доктор Менгеле часто бил по пальцам провинившихся, да и он сам не брезговал подобным методом наказания, и вот теперь все обернулось против него.

– Расскажи, как ты додумался до такого? – Геннадий повернулся к нему, держа в руке кусок провода, который он использовал в качестве плети.

Дима молчал, не поднимая головы, вытянутые на весу руки заметно дрожали. Удар последовал неожиданно, и от этого был еще больнее. На кончиках пальцев запульсировал красный след. Юноша стиснул зубы, желая сохранить остатки достоинства.

– Подними голову и смотри на меня, – потребовал Доктор Менгеле ледяным тоном, и ученик не осмелился возразить. – Отвечай, с чего бы вдруг ты решил окрестить меня палачом спустя столько лет безупречной службы?

– Я убил Женю. Потому что хотел, а не потому, что так было приказано. Я – чудовище, а воспитали меня таким вы.

Следующий удар заставил несчастного вскрикнуть, Дмитрий инстинктивно отдернул руки и снова поднял их обратно, зная, что за неповиновение последует еще большее наказание. И был прав.

– Еще раз так сделаешь, получишь в два раза больше, – спокойно предупредил Геннадий, не повышая голоса. – Так вот, с чего ты решил, что завершение нашей работы над препаратом – это убийство?

– Мы знали, как действует концентрат, эмпирически вывели доказательства этого воздействия, – прошептал Дима.

– Эмпирически вывели, – повторил за ним Доктор Менгеле. – Знал бы ты, как мне обидно терять такого собеседника, как ты. Среди солдафонов и верных псов Андрея трудно найти действительно умного человека. А ты в своем роде гений, крайне талантливый молодой человек. Только вот забил голову всяким бредом. Ничего, дурь я из тебя выбью, вряд ли ты долго продержишься, не таких ломали.

Удар рассек нежную кожу на ладони, юноша закусил губу и всхлипнул, но руки не убрал.

– Спасибо... – вдруг сказал он, встречаясь взглядом со своим учителем. Тот удивленно вскинул брови, не ожидая такой реакции.

– Объяснись! – потребовал он.

– Вы даете мне возможность заглушить мои моральные страдания и голос совести физической болью. Мученики были во все времена, не так ли? Это шанс искупить мою вину, – Дмитрий улыбнулся, выше поднял руки. – Бейте. Ну!

– Щенок! В мученика играть задумал?! Тебе прощалось то, что никому не спускали с рук! Ты – единственный в этом бункере, кого раньше никогда не били, не заставляли заниматься физическим трудом. Вот твоя благодарность, да? Много о себе возомнил. Может, ум у тебя и блестящий, но вот тело – жалкое и слабое, и очень боится боли. Я заставлю тебя просить прощения! На коленях будешь умолять! – выпад ученика вывел Доктора Менгеле из равновесия, привел в ярость.

Удары посыпались один за другим, и Дмитрию стоило небывалых усилий не закричать в голос. Он сжал зубы и уговаривал самого себя.

«Немного потерпеть. Не сдаться сейчас, пусть он поймет, что я не так слаб, как ему хотелось бы думать. Немного... потерпеть...» – мысли становились бессвязными, их вытесняла боль.

– Ну что, ты не передумал? – голос учителя вырвал его из мучительного оцепенения.

– Бейте, – сквозь слезы прошептал юноша, протягивая дрожащие руки.

Ладони горели огнем, казалось, на них не осталось ни одного живого места.

– Вот как? Хорошо, – недовольно протянул ученый. – А может, позвать Влада, он давно хочет с тобой рассчитаться, мне достаточно лишь кивнуть?

– Вы все знали...

– Конечно же, знал. Если ты думаешь, что хоть что-то про тебя мне неизвестно, очень ошибаешься. Может, ты хочешь, чтобы все узнали о том, что ты творил? Общество живет в неведение, но все знают, кто отдает приказы казнить или помиловать. Хочешь, чтобы твои бывшие товарищи, которые страдают в сером зале, узнали, что это ты приказал их туда отправить? Или их друзей, замученных в лабораториях лично тобой? Предателю не подадут руки, ты не станешь для них

святым мучеником, ни с одной, ни с другой стороны не найдешь ни понимания, ни сочувствия. Может, ты надеешься, что за тебя вступится Алексеева, надавит на Рябушева, как со своим драгоценным Женечкой? Ошибаешься, она ненавидит тебя, потому что это не я приказал ввести пленнику экспериментальный препарат, это сделал ты. Кроме меня, ты никому не нужен. Все еще будешь упорствовать?

- За что? - сдавленно выговорил Дима.

- За предательство, - жестко ответил Геннадий. - Ты вдруг решил повесить на меня все свои ошибки, а я такого не прощаю.

- Вы - мой учитель! Пример для подражания! - крикнул юноша. Его разрывало от обиды и несправедливости.

- Твой пример для подражания остался в прошлом, если ты решил отказаться от всего, что создавал столько лет. Пока ты был верен - у тебя было все. Сейчас у тебя не останется ничего, кроме желания умереть. Я тебе это обещаю, - прошипел Доктор Менгеле, открывая дверь кабинета.

Влад, дежуривший за дверью, вывел несчастного в коридор. Что приказал ему ученый, юноша не слышал, и от этого становилось жутко.

Конвоир вывел его в серый зал, и им навстречу торопливо вышел полковник Рябушев.

- Этого ко мне в кабинет, - раздраженно приказал он. - Почему не доложили?

- Геннадий Львович не велел! - отрапортовал часовой.

- Вот как? - недобро прищурился командир. - Ты забыл, кто начальник бункера? С тобой я отдельно поговорю. Шагом марш исполнять!

- Есть!

Полковник закрыл за собой дверь и кивком указал Дмитрию на стул.

– Руки давай, – приказал он.

Юноша вздрогнул, вжался в стул.

– Не надо... – умоляюще попросил он.

– Руки, я сказал, дважды повторять не стану. Успокойся, перевяжу и все, – нахмурился командир бункера, разматывая бинт.

Ученик Доктора Менгеле смотрел, как Рябушев накладывает повязку с мазью на его разбитые ладони, и от этого внезапного жеста милосердия было еще страшнее.

«Только не тешь себя иллюзиями! Пожалуйста, не думай, что можешь спастись! То, что полковник накричал на Дракулу, еще ничего не значит. Падать будет больно, не смей верить в чудо!» – настойчиво уговаривал внутренний голос.

– Ну, и что же вы не поделили с Геней? – командир устроился в кресле и пристально посмотрел на молодого человека.

– Андрей Сергеевич, я – диверсант. Я отказываюсь участвовать в экспериментах Доктора Менгеле, они бесчеловечны и антигуманны! Я раскаиваюсь в том, что много лет мучил невинных людей, и не желаю больше иметь ничего общего с моим фашистским прошлым! – на одном дыхании выпалил Дмитрий, желая сразу расставить все точки над «и».

Полковник крикнул от удивления, задумчиво потер разбитый после инцидента с Женей затылок.

– О как. За двадцать лет я такое слышу впервые. Слабоумие и отвага. Всяко случалось, и отказывались подчиняться командирам, и пытались сбежать из бункера, но такое заявление – новость. Внезапное раскаянье? С чего бы ты вдруг решил загнать себя в могилу? Только я подумал было наградить тебя за мое спасение, как ты сам, считай, подписал себе приговор. Что это такое? – Рябушев говорил спокойно, в отличие от Доктора Менгеле, не зло, в его голосе не было той испепеляющей ненависти, что была у учителя. Скорее – любопытство и разочарование.

Дима весь сжался, сгорбился, бессильный и полный отчаянья. От сочувствия и понимания ему становилось совсем невыносимо.

– Не мучайте меня... Я не хочу, не хочу больше, пожалуйста, не заставляйте меня... – шептал он, не поднимая головы.

– Отставить истерику! – прикрикнул полковник. – Я пока еще не заставляю, только спрашиваю. Отвечай четко, не мямли! В конце концов, ты поступил, как герой, когда этот ублюдок Женя набросился на меня, именно ты вколол ему успокоительное, успел, не растерялся. Это достойно поощрения. Так что же случилось потом?

– Я не герой, я – убийца! Он ведь не заслужил того, что с ним происходит! Это немилосердно, если вы хотели его смерти, поставили бы к стенке и расстреляли, но не так, как сейчас! Что с ним, Андрей Сергеевич? Наш несчастный пленник еще жив?

– Жив пока что. И в твоих истеричных нотках я слышу наш голос разума, Марину Александровну. Как вы мне все надоели! Чертов отпрыск Коровина, да почему же я не пристрелил его в камере, когда эксперимент завершился? Последние несколько дней я только о нем и слышу! – гневно воскликнул Рябушев. – И что же, из-за него ты решил спустить коту под хвост все свои успехи? Если так, то ты просто дурак.

– Нет. Он стал катализатором моих мыслительных процессов, – даже бессонная ночь и высшая мера отчаянья не отняли у Дмитрия привычки выражаться научным языком. – Все вы прекрасно понимаете, товарищ полковник! Я знаю, как вам пришлось перешагивать через себя, чтобы дать добро на эксперименты, как долго вы заставляли себя воспринимать людей, как номера и биоматериал, Доктор Менгеле сломал и вас.

– Слишком много себе позволяешь! – задохнулся от возмущения его собеседник.

– *Morituri te salutant!*[1 - Идущие на смерть приветствуют тебя (лат).] Больше никто не сможет сказать вам таких вещей, только я. После этого меня ждет долгая и мучительная смерть, – в голосе Дмитрия не осталось страха, только отчаянная решимость.

– Вы с Генной изобрели капли берсерка, как я погляжу, и ты их продегустировал, раз такой храбрый! Давно ли наш лабораторный крыс Дима осмелел настолько, что хамит начальнику бункера и не боится умереть? – со злой иронией поинтересовался Рябушев.

Юноша криво улыбнулся, оценив шутку. Капли берсерка, напиток смелости, давно был поводом для веселья в лаборатории, это древнее снадобье увеличивало выносливость и силу, дарило бесстрашие. Внезапно Дмитрий погрузился. Шутки шутками, а создание такой настойки было его давней мечтой, ее же очень хотел увидеть и сам полковник, и молодой ученый стоял на пороге открытия. До завершения работы над ней оставались считанные дни, потом опробовать – и готово. Пониженный болевой порог, отключение мозговых центров, отвечающих за чувство страха, кратковременное усиление физической силы и выносливости. Правда, с побочными эффектами в виде привыкания. А теперь... видимо, ему не суждено закончить свои опыты.

– Капли берсерка практически существуют, – наконец, озвучил Дима свои мысли командиру. – Еще немного, и я бы их закончил. Но теперь не стану.

– Вот как? Да ты и впрямь диверсант, – протянул Рябушев.

– Хватит, товарищ полковник. Я – не жилец. Если не накажете меня – поссоритесь с Геннадием. Он – ваш давний друг, а я – всего лишь химик-недоучка с неправильными мыслями в голове. Давайте закончим с этим, не мучайте меня, мне больно от вашего спокойствия, оно дарит надежду, а надеяться невыносимо. Прошу вас о милосердии, расстреляйте меня, не отдавайте в лаборатории, если хотите наградить за свое спасение.

Андрей Сергеевич и молодой ученый смотрели друг другу в глаза. Офицер – выжидательно, погруженный в раздумья, юноша – упрямо, закусив губу, чтобы не дать воли своим чувствам.

– Идем. Будем решать, что с тобой делать, – совсем не зло и как-то устало сказал Рябушев.

Они вышли в коридор и пошли на второй этаж, но снова не дошли, по дороге к командиру подошел один из часовых.

- Разрешите обратиться! Евгений Коровин пришел в себя, требует врача.

- Так. Ты – за Геннадием, – полковник кивнул солдату, потом повернулся к Диме:

- А ты – со мной. Шагом марш.

Они вновь поднялись на первый этаж, остановились у двери карцера.

- Вмешаешься – накажу, – предупредил Дмитрия Рябушев. Юноша отошел в сторону и замер у стены.

Через несколько минут явился Доктор Менгеле, и почти сразу после него в коридоре показалась Марина.

Она пошатывалась на ходу, была бледна, как смерть. Скользнула взглядом почти равнодушно по нашитому на рубашке Димы номеру и встретилась с ним глазами. В них было такое беспросветное отчаянье и скорбь, что юноша не смог выдержать этот взгляд, отвернулся.

- Ну, вот, собственно, и момент истины. Сейчас нужно будет решить, что делать с твоим пленником, – обратился к женщине полковник. – Открывайте, что ли.

Часовой открыл дверь карцера, Алексеева бросилась туда, упала на колени перед Женей, обняла его, что-то говорила тихо-тихо, так, что не разобрать было слов, утешала.

Рябушев раздраженно посмотрел на нее, велел отойти.

- Хватит! Евгений совершил преступление, он за него ответит. Ты больше не будешь его выгораживать. Надоело! – рыкнул полковник.

Доктор Менгеле вошел в карцер, Дима не видел, что там происходит, но оттуда слышался настолько отчаянный крик, что у юноши похолодело внутри.

Марина стояла у стены, сжимала кулаки и кусала губы, но не вмешивалась.

Геннадий вышел из камеры и насмешливо взглянул на женщину.

– А ты жестокая. Твой несчастный Женечка умирает, и подышать он будет долго и мучительно. Медикаменты нынче в цене, зачем продлять страдания того, кто уже обречен? Не лучше ли пустить ему пулю в лоб? – протянул ученый.

– Спасите его! Гена, пожалуйста, я сделаю что угодно, только спасите его!

Дима смотрел на ее перекошенное страданием лицо, каждая клеточка в нем отзывалась на ту душевную боль, которая мучила Марину. Новое, непривычное чувство заставляло его бесконечно думать, изводило и тревожило, но вместе с тем он ощущал, как просыпается окаменевшая за многие годы душа.

Доктор Менгеле бросил недовольный взгляд на своего ученика, но сейчас его больше заботила Алексеева.

– Зачем? Чтобы он прожил еще месяц и все равно отправился к праотцам? У него отказали почти все системы организма. Забавный опыт вышел. Острый токсический гепатит развился всего за два дня, повышенная возбудимость нервных окончаний, риск инфаркта. В любой момент он может загнуться от болевого шока. Вот если бы он был моим образцом...

– Нет! Это вы его убили! Это все из-за того транквилизатора! – в отчаянии закричала Марина, совершенно лишившись самообладания.

Дмитрий опустил на корточки у стены, больше всего на свете ему хотелось исчезнуть, не существовать больше.

«Это сделал я. Убийца, убийца! Женя, прости меня... Прости меня... Прости меня...» – он, как молитву, повторял одну и ту же фразу. Ему было плохо, как никогда раньше. Если бы сейчас Доктор Менгеле приказал пытаться его, бывшему ученому стало бы легче. И от таких мыслей становилось еще хуже.

– Побочные эффекты непредсказуемы, – пожал плечами Доктор Менгеле. – Парень – не жилец. Видимо, действие препарата наложилось на общий стресс, и ослабленный организм не справился. Твоему Женечке осталось несколько часов, в лучшем случае.

«Вы знали, что так будет! Лжец! Мерзавец!» – Диме хотелось кричать, обличать своего учителя и каяться самому, бесконечно просить прощения у этих двоих и у всех тех, кто был раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Идущие на смерть приветствуют тебя (лат).

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/strelova_mariya/metro-2033-prizraki-proshlogo

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)